

18+

Дан Адхип

Часть 1

Джай Форс и коридор жизней

Дан Адхип

**Джай Форс и коридор
жизней. Часть 1**

«Издательские решения»

Адхип Д.

Джай Форс и коридор жизней. Часть 1 / Д. Адхип —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515930-4

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Студент Джай и его друзья делают случайное
открытие: оказывается, тело человека — это сложная структура порталов в
иные измерения. Рассказать об этом нельзя — никто не поверит. Остаётся
только погружаться в исследования, чтобы собирать доказательства. Новые
знания переворачивают представление о привычном мире и втягивают Джая в
опасное приключение. На кону — жизнь и свобода.

ISBN 978-5-00-515930-4

© Адхип Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Десять тысяч за учебник	6
Глава 2. Подозрительные упражнения	8
Глава 3. Первый прыжок	12
Глава 4. Первое свидание	20
Глава 5. Встреча в кафе	28
Глава 6. История Роберта Шарпа	34
Глава 7. Пираты среди нас	41
Глава 8. Свидетели катастрофы	48
Глава 9. Форсирование событий	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джай Форс и коридор жизней Часть 1

Дан Адхип

Редактор и корректор Ольга Шепитько

Иллюстрация на обложке Татьяна Савитраш

© Дан Адхип, 2025

ISBN 978-5-0051-5930-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-5929-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Десять тысяч за учебник

Лучший способ убедить себя, будто сделал что-то полезное, и при этом ничего не делать – посмотреть научно-популярное видео.

А я как раз искал повод не браться за домашнее задание, поэтому листал в сети познавательные ролики. Так я набрёл на запись с названием «Сумасшедший американский студент отказался продать учебник за 10000 долларов!». Ненаучно, непопулярно, но как пройти мимо? Всё самое важное собрали в одном заголовке: любопытно же, за какие учебники в США дают студенту десятку, а тот ещё и фыркает.

Ролик, в котором я надеялся увидеть неуравновешенного заучку, цепляющегося за старую книжку, перевернул всю мою жизнь.

Человек с экрана отвечал на вопросы молодого журналиста. Сбоку выплыла подпись: «Роберт Шарп».

«Могли бы и указать, из какого универа этот парень», – подумал я и решил, что интервью брал начинающий видеоблогер, который и не надеялся, что запись посмотрят зрители из-за океана. Ролик походил на нарезку длинной беседы – спасибо тому, кто вырезал скукоптицу и оставил самую соль.

Предыстория такова: Роберт Шарп привёз загадочную рукописную книгу из Индии и показал её нескольким университетским профессорам. Сказал, что ей две тысячи лет, те сразу заохали-заохали: «Какой любопытный древний экземпляр!» Стали изучать и пришли к выводу, что это подделка под старину, но очень искусная.

Дальше в ролик добавили выдержку из конференции, которую созвали ради книги. Показали участников и зрителей – пару десятков преподавателей и несколько сотен студентов. Для безымянного литературного труда масштабы впечатляющие.

На сцену актового зала непонятно какого университета выходили профессора и вещали о том, что тема книги крайне занимательна, но не представляет научного интереса. Они оценили возраст работы в сто пятьдесят лет и предположили, что написал её очень грамотный фальсификатор, который идеально владел санскритом – забытым языком, дошедшим до нас лишь в религиозных текстах индуизма и буддизма. Прикинули, что автором мог быть европейский учёный с бурной фантазией – биолог, антрополог или лингвист, глубоко знакомый с индийской литературой.

Возможно, он писал книжку о несуществующих цивилизациях, животных и растениях, чтобы издать её как художественное произведение. Но в этом случае роман получился бы посредственным: текст больше походил на энциклопедические статьи о мифических тварях – вряд ли бы за такое взялся уважающий себя издатель.

Литературный эксперт – седой дедушка в стильном костюмчике – отметил, что книга написана на безошибочном деванагари. Для несведущих в лингвистике – таких, как я, – дедушка пояснил, что деванагари – это разновидность письменности, которая сложилась между восьмым и двенадцатым веками. Идея, что книге две тысячи лет, сразу отпала. Как письменность санскрита деванагари утвердился только в девятнадцатом веке под влиянием европейцев – ещё одна монета в копилку происхождения писателя.

Эксперты так и не разобрались, был ли у автора корыстный умысел. Сто пятьдесят лет назад гремели романы Жюль Верна, и какой-нибудь европейский учёный точно мог подумать: «А чем я хуже?» Взялся за создание фантастической саги, подготовил к ней целую энциклопедию, которая дошла до нас, а сам роман не осилил. Ещё вариант: автор хотел получить мировую известность, выдав байки собственного сочинения за сенсационные открытия. Во времена, которым приписали создание книги, такие самопальные «находки» были очень распространены в европейской научной среде.

После литератора вышли физик и биолог и на нескольких примерах объяснили, что заметки о невероятных животных и явлениях вымышленные, так как не вписываются в естественнонаучные законы.

Но самым интересным оказался финал конференции. Все профессора дружно признали, что книжка – фикция. А затем вышел председатель экспертной комиссии – автор видеоролика не подписал его должность – и заявил, что такой выдающийся экземпляр фальсификации мог бы стать украшением университетской библиотеки. После он предложил Роберту Шарпу десять тысяч долларов за передачу книги в библиотечный фонд, и зал загремел аплодисментами. Парень сидел в этот момент где-то среди зрителей, и, пока он шёл на сцену к микрофону, чтобы отреагировать на предложение, студенты его весело подбадривали: «Молодец! Так держать! Повезло! Завтра проставляешься!» А он встал за кафедру, глубоко выдохнул, поблагодарил преподавателей и зрителей и сказал, что книгу недооценили, поэтому он её не продаст.

Зал сошёл с ума. Сначала посыпались возгласы недоумения, за ними – оскорбления: «Эй, ты чего? Не тупи! Жадина! Не будь идиотом!»

Председатель экспертного совета снисходительно заулыбался и взглянул на Роберта так, что я сразу понял: тип гнилой. Смотря свысока, он пробормотал что-то язвительное, пытаясь образумить глупого мальчишку, но Шарп был непреклонен. Председатель стал шутить, нарочно высмеивая молодого оппонента, и, в конце концов, строго заявил, что даёт неделю на обдумывание предложения. А заодно попросил зал помочь их другу сделать разумный выбор.

«Что за дешёвая манипуляция толпой?» – разозлился я и отвесил председателю пару ласковых.

Словно услышав моё негодование, кадр перескочил с завистливой публики и напыщенного мужика обратно на интервью с Робертом Шарпом, и тот за оставшуюся минуту предложил идею: неважно, из какой ты точки планеты, если ты студент или недавно им был, давай изучать книгу вместе. Связь – через интернет. Язык общения – английский. Все координаты для связи – в подписи к видео.

Ссылка под видео вела на сайт исследовательского проекта. Я полистал фотографии загадочной книги, посмотрел, какой народ уже подтянулся к проекту, и написал Роберту длинное письмо с короткой сутью: молодец, что не повёлся на уговоры старых маразматиков, я тоже хочу помочь с изучением книги.

Чтобы отвлечься от томительного ожидания ответа, я взялся за подготовку к завтрашнему семинару: с такой лёгкостью и удовольствием я ещё ни разу в жизни не делал домашнее задание.

Глава 2. Подозрительные упражнения

На момент начала всех странностей проектом занималось шестьдесят человек из шестнадцати стран, в основном – студенты. Всерьёз никто не верил, что из книги можно выудить что-то революционное, но кое-какие надежды питали.

Самые горячие оптимисты считали, что вымышленные события книги – это закодированные технологии. Нужно только найти ключ – и открытия посыплются одно за другим. Оптимисты поспокойнее верили, что найдут интересные сведения об исчезнувших видах экваториальной флоры и фауны или узнают о любопытных способах применения лекарственных растений. А самые уравновешенные оптимисты просто получали удовольствие от общения, тренировали английский язык и устраивали онлайн-мероприятия по продвижению исследовательского сообщества. Пессимисты к проекту не прилипали, а приходящие реалисты быстро отваливались, когда понимали, что в нашем исследовательском энтузиазме нет ничего рационального.

Было весело увеличивать и рассматривать фотографии страниц, искать зацепки в шрифтах и переводах, проводить аналогии фантастических явлений с реальными историческими событиями и общаться с людьми из разных уголков планеты. Я воспринимал исследование как игру, но, в отличие от компьютерных и настольных, она была настоящей.

За несколько месяцев работы мы пришли к предположению, что основная тема книги – алхимия. В таком ключе статьи стали казаться зашифрованными описаниями, как трансформировать материю из одних состояний в другие. Условия преобразований выглядели слишком неправдоподобными, чтобы воспринимать их буквально, но помогли нам уцепиться за идею, что перед нами – хитро замаскированная инструкция непонятно к чему.

Главное озарение, серьёзно сдвинувшее проект, пришло Роберту Шарпу, что неудивительно, ведь он листал оригинал книги, а не рассматривал на экране копии страниц, как делали остальные.

Он обратил внимание, что автор уделяет много внимания загадочным животным, которых на Земле, по уверению биологов, никогда не водилось. Из текста следовало, что каждое животное помогает человеку находить или прятать артефакты. Мы не раз пытались ухватиться за странных зверушек, но только Роберту пришло в голову сравнить подробные описания их движений с механикой человеческого тела.

Роберт от руки начертил схемы поведения сказочных животных и подставил в них рисунок человека. Оказалось, движения отлично подходят людям для развития гибкости, силы и выносливости: что-то вроде йоги, только причудливее, динамичнее и размашистей.

Он продемонстрировал свои каракули на одной из онлайн-конференций. Такие конференции мы собирали каждую неделю, чтобы делиться свежими мыслями. Встречи всегда проходили несерьёзно: большую часть времени мы шутили, вынося на обсуждение совершенно дикие предположения. Но вот Роберт вбрасывает идею о движениях, и атмосфера конференции тут же меняется: мы так цепко ухватились за мысль, что сразу проснулись и включили головы на максимальную производительность.

Один парень быстро перерисовал карандашные схемы Роберта в формате векторной графики. Другой отыскал свежую статью по физиологии о том, что нестандартные нагрузки на тело развивают нестандартное мышление. Одна девушка, студентка-медик, сказала, что движения и правда очень органично вписываются в механику тела. Вскоре мы уже разрабатывали комплекс упражнений и выбирали добровольцев, готовых испытывать его на себе в разное время дня и с разной интенсивностью.

Мне достался десятиминутный вариант для ежедневной практики по утрам. Кому-то – комплекс на три минуты для занятий утром и вечером. Один герой-атлет выразил желание

заниматься по полчаса в день – пожалуйста, все только за. Срок испытаний – три месяца, в течение которых добровольцы записывают, как упражнения влияют на самочувствие.

Энтузиазм, с которым мы восприняли новые задачи, зашкалил. Ещё бы! Это ведь первый хоть какой-то результат наших многочисленных встреч. Никто не задавал вопросы «Зачем?» или «А что это даст?» – мы просто перешли на новый уровень игры в исследователей и радовались этому.

Каждое утро в течение десяти минут я повторял движения в условленном порядке, после чего кратко записывал ощущения. Эти упражнения я выполнял гораздо охотнее, чем традиционную гимнастику, которую уже второй год хотел ввести в привычку. Всё дело в восприятии: если давит «надо», то ищешь повода не делать, а если подстёгивает страсть, то действуешь в любых условиях.

Через три недели ежедневных упражнений я увидел результат и затрепетал от воодушевления и страха. Случилось это в субботу, после того, как накануне я потянул спину, помогая в университете таскать парты из одной аудитории в другую.

Проснувшись утром, я понял, что не могу встать с кровати.

Привычный распорядок дня посыпался: хотел зависнуть с друзьями, а теперь проваляюсь дома. Развлекательная программа безработного студента свернулась: ни посиделок в кафе, ни походов в кино, ни танцев на чьих-нибудь днях рождения. А я, хоть и не считался заядлым гулякой, в выходные регулярно куда-нибудь выбирался. И тут планы рушатся, а я даже не расстраиваюсь! Странно. Случись точно такая же ситуация месяц назад, я бы взбесился.

«Неужели из-за них мне стало на всё наплевать?» – покосился я снизу вверх на письменный стол рядом с кроватью.

Оттуда выглядывал уголок тетради с отчётами после упражнений. Кряхтя, я дотянулся до неё и ручки и внёс заметку:

«Возможно, от упражнений я становлюсь спокойнее».

Затем я неловко дёрнулся, и в спине стрельнуло так, что я застонал. Эту боль нужно было куда-то выплеснуть, и под аккуратной строкой о спокойствии я размашисто дописал:

«Ненавижу, когда болит спина!!!!!»

Поход в туалет, ванную и на кухню дался непросто, поэтому, когда я вернулся в спальню и неподвижно лёг, то задрожал от блаженства. Хотел включить ноутбук, чтобы посмотреть сериал, но вспомнил, что ещё не делал упражнения, которые обязался выполнять три месяца ежедневно. А как их делать-то, если лежишь навзничь и не можешь пошелохнуться?

«Эй! – мысленно окликнул я себя. – Ещё и месяца не прошло, а ты уже сливаешься с задания?»

Пришлось реабилитироваться перед самим собой, поэтому я покопался в голове и вспомнил старую статью о мысленных тренировках. Говорят, у спортсменов, когда они проделывают упражнения в уме, от мозга идут импульсы в те же мышцы, которые работают во время реального движения. Решил опробовать на себе.

Почти сразу на поверхности кожи по всему телу прокатились едва заметные покалывания. Я бы наверняка их пропустил, если б стоял и махал руками и ногами. Обратил внимание только потому, что старался не шевелиться, чтобы успокоить спазмированную спину.

Что это? Осязательные галлюцинации?

Взялся разобраться, поэтому стал следить за возникшими покалываниями, забыв про мысленные упражнения. Потом вдруг осёкся: упражнения не представляю, а ощущения от них остаются! Любопытство захватило так сильно, что по телу побежали мурашки, отчего расслабленные мышцы снова сократились. В спине опять стрельнуло, и я выругался. Покалывания исчезли.

Начал заново.

Когда удалось расслабиться, покалывания вернулись, но на этот раз другими: они усилились и дополнились прохладой, будто со всех сторон меня аккуратно касались сотни тонких ледяных иголок. Больше всего покалываний чувствовалось на лице, кистях и предплечьях. Загудели кончики пальцев рук – там появилась вибрация, как будто что-то начало втекать в пальцы стремительными потоками.

Я испугался и попытался встать. Мышцы спины вновь напомнили о себе. Превозмогая боль, я с трудом сел на край кровати и отдышался. Едва уловимые поверхностные пульсации остались только в кончиках пальцев – другие ощущения пропали.

Переводил дух недолго: спина болезненно тянула, и мне пришлось снова лечь, гадая, что и почему со мной происходит. Догадки быстро зашли в тупик из-за явных пробелов в медицинских знаниях. Вскоре любопытство и искушение первооткрывателя взяли верх, и, стараясь расслабиться, я продолжил искать ощущения на кончиках пальцев рук.

Чувствительность вернулась быстро.

На этот раз я заметил, как из глубины рук к кистям и пальцам шли сотни светящихся туннелей. Новые ощущения не были резкими, а потому не пугали. Мне они даже нравились, поэтому я охотно разбирался, куда эти туннели ведут.

Не знаю, сколько прошло времени до тех пор, пока я не устал копать вниманием в неподвижных руках. Я сумел проследить ощущения только до плеч: проходя через пальцы тонкими трубками, туннели разрежались и заполняли кисти, а дальше уходили в предплечья и терялись из виду около локтевых суставов.

Когда стало казаться, что туннели пронизали всё тело и заполнились золотистым огненным ветром, я догадался, что сплю и вижу сон.

Красочные линии, ручьи и трубы мелькали до самого пробуждения. Даже когда я проснулся, перед глазами ещё стояли пламенные потоки, наполняющие руки и ноги: чего только спящему не привидится!

Уже наступил вечер. Оказалось, я отключился на пять часов – вот и день прошёл. Что ж, не так долго он и тянулся.

Я поднялся с кровати, чтобы пойти в туалет, и после пары шагов замер от удивления: спина не болела! Это ещё что за чудо исцеления?

Я побродил по квартире, пытаясь поверить в происходящее, приготовил поесть, но никакими домашними и учебными делами заниматься не стал, чтобы не спугнуть волшебство. Безумно хотелось связаться с коллегами-исследователями, потому что между выздоровлением и упражнениями я чувствовал связь, но я удержался и не стал рассылать записанный отчёт, оставив сенсацию до прямого эфира.

Два дня до ближайшей видеоконференции ходил на подъёме, распираемый радостью. Будничные дела совсем не замечал. В понедельник с наслаждением отсидел все пары в универе, ведь на них я всё время был занят важным делом: прислушивался к ощущениям в пальцах, кистях и предплечьях, наблюдая за вибрирующими потоками энергий.

Во вторник утренняя онлайн-встреча началась не с приветствий, а с моих криков:

– Я нашёл такое, что вы обалдеете! Слушайте все!

Ох я и ликовал, когда представлял, как от этих слов все прильнут к мониторам в ожидании откровения! Но полсотни маленьких лиц на экране ноутбука изобразили лишь удивлённые улыбки.

«Ну, ничего, – подумал я. – Сейчас узнают – перестанут ухмыляться и будут плясать!»

Я выложил всё, что чувствовал и как пришёл к открытию: рассказал о потянутой спине и упражнениях в уме, о покалываниях на коже и туннелях в пальцах, даже о золотистом ветре вспомнил, хоть и сомневался, что он относится к делу.

Когда я закончил рассказ, то подумал, что всё время мой микрофон был отключён: на лицах коллег не отразилось никаких перемен.

– Эй, алё! – засомневался я в качестве связи. – Меня хорошо было слышно?

Выяснилось, что мои слова были понятны, только вот на значимое открытие они, видите ли, не потянули. Оптимисты разом превратились в скептиков. Я даже растерялся.

Неловкую паузу нарушил молчаливый Томас из Норвегии. Он описал похожие ощущения от упражнений. Ему достался комплекс движений на три минуты для повторов дважды в день. Затем ещё двое признались, что испытывали какие-то вибрации в пальцах рук и ног, но не придали им значения. Языковой барьер помешал участникам подробно описать впечатления, но я уже знал, что речь шла об одних и тех же явлениях: во время обсуждения я чувствовал всё, о чём говорили ребята, как будто сам переживал их опыт.

Для меня найденные явления стали сенсацией, для других – ерундой. Увы, братья по исследованию потенциал не оценили, но от этого моё рвение усилилось втрое: захотелось доказать, что неуловимые ощущения что-то значат.

После утренней видеоконференции я быстро собрался и пошёл в университет, чтобы попасть хотя бы к середине второй пары, – на первую я уже точно опоздал. Думал, послушаю, что говорят лекторы, и заодно понаблюдаю за необычными покалываниями на коже и в руках. Оказалось, это не так-то просто: прислушиваясь к ощущениям в теле, я вообще не понимал слов преподавателей – их фразы перестали складываться в речь!

Вот лектор открывает рот, и в меня, словно из фантастического бластера, выстреливает информационный луч. Вжух-вжух! Мимо! За партой я, как в окопе: формулы, факты и теории просвистывают рядом, но в голову не попадают. Вдруг один луч влетает мне прямо в ухо и проникает внутрь. Ухватившись за смысл, я едва не потерял ощущение покалываний в теле, но быстро совладал с собой и вновь вернулся к вибрации на кончиках пальцев рук. Одновременно слышать себя и разбирать поток внешней информации не получалось. Чувства на коже и в руках казались настоящими, живыми, а то, что говорили лекторы, умирало ещё на пути до моих ушей и мёртвыми кирпичами сбрасывалось на дно подсознания.

«Зачем я здесь?» – мысленно воскликнул я, когда в начале последней лекции вновь увидел несущиеся на меня безжизненные блоки информации.

Как будто в ответ сзади раздался шёпот, от которого я вздрогнул:

– Джай, у тебя ручка есть?

Глава 3. Первый прыжок

«Джай, у тебя ручка есть?» – мысленно повторил я обращение, пытаюсь сконцентрироваться на его смысле. Но какой уж там смысл, когда сидишь как пришибленный и расплываешься в удовольствии? Я не понимал почему, но от простого вопроса ощутил, будто от поверхности моей кожи посыпались во все стороны искры.

Что это такое?

Я перестал *слышать* слова и начал их *чувствовать*.

Как же много человек теряет, когда во фразах ищет смыслы, а не состояния! Сейчас мне повезло: я увидел глубокое содержание, скрытое в пустяковой просьбе, и уловил окатившую меня волну любви.

Я вздрогнул, подскочил и обернулся в изумлении и оцепенении.

– У меня ручка закончилась. У тебя есть запасная?

На меня с любопытством смотрела Карина – очень симпатичная девушка из параллельной группы. Я только вчера на неё пялился и гадал, почему она кажется интереснее всех своих подруг.

Неподдельное удивление в моём взгляде заставило девушку закрыться, и я сразу ощутил, как волна любви отступила. От моих вытаращенных глаз по её лицу пробежал испуг, будто кто-то выдал её самую страшную тайну. Я тут же пришёл в себя и ответил по делу, чтобы убрать неловкость:

– Вот, держи, – и протянул ручку.

У меня не было запасной, но, почувствовав любовь, с которой Карина меня позвала, я был готов отдать ей все свои вещи.

– Ты же сам ей пишешь.

– Нет, не пишу, – я показал чистый лист в тетради после записанной темы. – Кажется, я немного отвлёкся.

Мы тихо посмеялись, Карина взяла ручку, и я отвернулся, стараясь прочувствовать, что сейчас произошло.

Вибрации на коже не осталось. Вместо неё я ощутил, как миллиарды клеток тела раскрыли антенны-локаторы и развернули их в сторону сидевшей за спиной Карины, чтобы наслаждаться волнами исходящей от неё любви. Я не знал, как правильно себя вести в таком состоянии, поэтому просто погружался в ощущения, пока вдруг не заметил, как студенты в аудитории повставали с мест.

Лекция закончилась.

Карина спешно положила ручку передо мной на стол, улыбнулась, сказала «Спасибо!» и ушла, растворившись в нескольких шагах от меня. А я, как оглушённый, стал медленно собираться домой, ещё чувствуя её присутствие.

В таком состоянии я пребывал до вечера.

Перед сном я сел поискать покалывания в пальцах и потоки в руках, но отдаться наблюдениям получилось не сразу: тело запомнило, каково принимать чью-то любовь, и не хотело переключаться ни на что другое.

Карина словно поднесла спичку к сухой траве, и как полыхнуло! Я посматривал в сторону этой девчонки уже несколько месяцев с той поры, как пережил расставание. Она казалась такой неприступной, что и рисковать не хотелось. До сегодняшнего дня я был уверен, что у неё должен быть парень. Судя по тому, что я ощутил на лекции, никакого парня у неё нет, но при этом она тоже считает, что он быть должен. Возможно, я оступел от её очарования, но разве девушки вкладывают просто так столько любви в ничего не значащие слова?

Чтобы не свихнуться от переизбытка догадок, я расслабился, отчего всё глубже и глубже погружался в облако любви. Пространство вокруг тела ожило – я стал его чувствовать как продолжение себя. Голова, руки, туловище, а затем и ноги наполнились смесью голубой и золотистой энергии, и через пару минут я наблюдал гудевшее вокруг меня упругое желеподобное поле, походившее на яйцо. Оно появилось из невесомых, но хорошо видимых светящихся нитей, выросших из кожи.

Не двигаясь и не открывая глаз, я попытался прощупать вниманием появившееся поле, как вдруг оно сжалось, и меня засосало в пустоту. Неведомая сила пронесла меня через чёрный туннель и выкинула обратно в мою квартиру.

Точнее, мне *показалось*, что это была моя квартира. Интуиция намекала, что всё вокруг стало иным. Я как будто летел среди предметов комнаты, напоминавшей мою, но не являвшейся ею.

За следующие несколько секунд, а может, и минут, упругое поле превратилось в мощный энергетический барьер. Он питался лучами света, шедшими из глубины тела.

Я смотрел на барьер изнутри и изучал его светящуюся структуру, как вдруг заметил: что-то бросилось от угла комнаты в мою сторону. Я резко отпрыгнул вправо. Через защитное поле пролетело нечто бесформенное, оставив за собой дыру в барьере. Где-то вдалеке я услышал стук своего бешено заколотившегося сердца – тело затряслось от страха.

В защите зияла пробоина, и было чертовски важно её залатать. Как по приказу, энергетическое поле сгустилось в месте повреждения и через доли секунды приняло первоначальный вид.

Я развернулся в сторону, куда улетел неизвестный объект, и неосознанно приготовился к бою, встав в стойку в полуприседе. Своей позой я будто включил дополнительную подачу тока: энергетический барьер засиял ярким светом, а из рук полились потоки энергии, которые за секунду преобразовались в длинные гибкие хлысты, выходившие прямо из ладоней. В подкатившей панике я замахал правой рукой и несколько раз беспорядочно нанёс удары извивающимся хлыстом в пространство передо мной: не успев понять, откуда появилось оружие, от ужаса я сразу же стал им защищаться.

– Кто здесь? Я убью вас! – орал я и сам не мог поверить в этот крик, в управляющую мной дикость и в подчиняющий меня страх.

Сомнений не осталось: в комнате я не один. Что-то проникло сюда, и оно знало все мои уязвимости.

Неосознанный взмах хлыстом – и вот ещё один объект вырвался из темноты и стремительно понёсся на меня. Я еле уклонился.

Как метеорит, насквозь прошедший атмосферу Земли, но чудом не врезавшийся в поверхность, он пробороздил в энергетическом поле туннель с ровными краями. Новая рана затягивалась намного дольше первой. Пришлось признать: драться бессмысленно. То, что находилось здесь, было бесконечно сильнее меня. Немного успокаивало одно: оно не хочет воевать, иначе уже давно бы меня исполосовало. А что тогда оно хочет? Поговорить? Разобраться, кто я такой?

Я вдруг осознал, что вокруг абсолютная темнота. Только свечение защитного поля растекалось на полметра от меня, но дальше всё черным-черно.

Озираясь по сторонам, я точно понял: чем бы *она* ни было, у него тысячи глаз.

Пытаясь найти взгляды, которые на себе ощущал, я крикнул в пустоту:

– Кто вы такие?

Станный вопрос после того, как уже проорал, что всех убьёшь, но ничего другого на ум не пришло. В ответ я услышал похожие на шелест звуки, слившиеся в жуткую протяжную фразу:

– Уходи-и! – как будто старое дерево хрипло заговорило, шурша листьями.

Я вертел головой, ища автора этих недружелюбных слов, и понял, что зловещих голосов целый хор, враждебно шипящий в мою сторону:

– Уходи-и!

Пытаясь увидеть, кто меня так настойчиво прогоняет, я начал различать чёрные пятна, выделяющиеся на фоне общей черноты. Одно такое пятно устремилось ко мне и мощным ударом в голову отбросило назад. Удар был настолько сильным, что я перестал разбирать, где нахожусь и что происходит. Конечно, я и до этого мало что понимал, но теперь шансов понять совсем не осталось.

Я лежал оглушённым, и в теле пульсом билось только одно желание: «Хочу жить! Хочу жить! Хочу жить!»

Забрезжил свет, и постепенно чернота рассеялась. Через несколько секунд я оказался сидящим в кресле в своей гостиной: глаза вытаращены, сердце стучит, как пулемёт, место на лбу, куда пришёлся удар, ноет и жжёт.

Я осмотрелся, несколько раз глубоко вздохнул, ощупал лоб и лицо и только тогда успокоился: всё в порядке, я дома.

За окном уже стемнело. Взглянув на будильник, я удивился: два часа я сидел в кресле, а там, куда попал, прошло не больше полминуты.

А где это *там*?

Я понимал, что не спал, знал, что не бредил и что события не были галлюцинацией. Я до сих пор ощущал толщину хлыстов, выходявших из рук, чувствовал жжение во лбу и непреодолимую жажду жить, силу которой раньше даже не замечал.

Страшно уже не было, хотя ещё минуту назад *там* я собирался забиться в истерике.

Надо проанализировать.

Каким-то образом, слушая себя, я запустил необъяснимый механизм трансформации тела в структуру, которая напоминала пузырь непрерывно движущихся энергий. Структура светилась. Границы свечения уплотнились и превращались в защитный слой. Конструкция напомнила капсулу: плотная оболочка защищала содержимое от внешних воздействий.

Вспомнил, как пузырь появлялся, и предположил, что он меняет форму и размеры в зависимости от условий, в которые попадает: то сжимается, то разрастается, то растекается. При этом вся структура, сначала опутавшая, а потом и заменившая тело, не ощущалась чем-то чужеродным: я сам ею и был.

Принять такую метаморфозу я не мог. Ну как человек может быть без туловища, рук, ног и головы и при этом лететь в невесомости в виде овальной светящейся мочалки? Нет, тут дело в изменении восприятия. Может, я посмотрел на себя в другом измерении?

«Значит, в другом измерении я амёба», – мысленно усмехнулся я, подбирая подходящую аналогию.

Я сел записать ощущения в тетрадь. Передать их словами оказалось нелегко, поэтому сравнение с амёбой – простейшим одноклеточным существом – подошло лучше всего. В качестве ядра – сгусток плотных энергий, которым было моё тело. В качестве мембраны – барьер, защищающий от окружающего мира. А в качестве ложноножек – хлысты, которые выросли из рук и вытянулись за пределы барьера.

Когда я в тетради упорядочил увиденное, всё стало не таким уж невероятным. Вот уж и вправду удивительное свойство человека: вместо того, чтобы принять пережитое как данность, ему нужно обязательно провести параллели с известными фактами и явлениями. Если в памяти не всплывает ничего похожего, голова включает режим несогласия. Когда мозгу не за что уцепиться, человек поливает грязью то, что не понял. Поэтому люди охотно закрывают глаза на многообразие вселенной, и наука вращается вокруг одной крупинки реальности.

Мне тоже гордиться нечем: после первого прыжка в параллельное пространство я взялся строить модели других миров, вписывая их в свои представления о логике и морали. Глупо.

Лучше бы не тратил время, а чаще путешествовал по иным измерениям, чтобы изучать первоисточники.

Но путешествия начались потом. А пока я, позабыв о страхе, сидел ночью за компьютером и возбуждённо рассылал электронные письма всем участникам исследовательского проекта. Тему написал заглавными буквами:

«СРОЧНОЕ СОБРАНИЕ! ВАЖНОЕ ОТКРЫТИЕ! НАЧАЛО СЕГОДНЯ В 6:00 ПО ГРИНВИЧУ (ЧЕРЕЗ 5 ЧАСОВ)».

В тексте письма только одно предложение: «Подробности на встрече». Расписывать было некогда: я хотел как можно быстрее отправить сообщение, чтобы перехватить тех, кто ещё не лёг спать.

Конференции мы всегда проводили, когда в Европе было раннее утро, чтобы исследователи с других континентов тоже могли выходить на связь без помех для учёбы, работы и сна. Мой клич успели прочитать несколько неспящих полуночников из Европы и Африки и дюжина студентов из Северной Америки и с Дальнего Востока, поэтому на экстренную конференцию собралось не больше двадцати пяти человек. Среди них был и Роберт.

Ребята подшучивали из-за срочности, но было видно, что они заинтригованы, ведь раньше ещё никто вот так внезапно не созывал собрание. Я решил, что это мой звёздный час, и с жаром, но методично, изложил всё, что произошло вечером.

Люди не знали, как реагировать.

Мои слова походили на горячечный бред, однако я ораторствовал с таким вдохновением, что было сложно не поверить. Но как оценить правдивость слов? Как принять то, что, в лучшем случае, походило на детскую страшилку?

За рассказом пошли вопросы, не увлёкся ли я грибами, не переусердствовал ли с лекарствами, не взрывался ли рядом какой-нибудь химический завод.

«Ну что за идиоты?» – мысленно негодовал я после очередной шутки о том, не пил ли я из странных бутылок с малознакомыми людьми.

В иной раз я бы от души поохотал, как здорово фантазируют студенты о причинах помутнения сознания, но только не сейчас.

«Что им мешает сначала проверить, а уже потом посмеяться?»

– Джай, меня слышно? – вклинился в шуточки серьёзный голос.

Я увидел, как с экрана ноутбука один из двадцати пяти маленьких силуэтов машет рукой, чтобы усмирить остряков. Узнал Хуана. Он жил на юге Испании недалеко от Картахены. Полтора месяца назад мы довольно много переписывались лично, поэтому познакомились ближе, чем с остальными участниками проекта.

Шутники затихли, освобождая эфир. Я развернул видеоокно с Хуаном на всю ширину экрана.

– Да, Хуан, слышу тебя хорошо.

«Похоже, он ещё не ложился», – подумал я, глядя на сонное загорелое лицо.

– Такое дело... – замешкался он. – У меня тоже есть что рассказать. Только ответь сначала, какой толщины были хлысты, про которые ты рассказывал?

По мне пробежали мурашки, и ладони неожиданно запылали невидимым огнём.

– Примерно такие, – показал я перед камерой пальцы, расставленные на три сантиметра.

– Покажи на ладони, – попросил Хуан. – Так непонятно.

Я поднёс к объективу ладонь и на ней очертил пальцем место, откуда истекал поток энергии. Кожа вибрировала и гудела. Хуан взбудораженно закивал головой и тоже поднял руку, чтобы все хорошо её рассмотрели.

– Видно линию?

Я пригляделся и заметил тонкую синюю окружность на его ладони.

– Нарисовал сегодня ночью, – пояснил Хуан, не дожидаясь ответа. – После того как получил твоё письмо, захотел лишний раз повторить упражнения. У меня тоже десятиминутный комплекс. Начал делать – в центре ладони зазудело так, будто ледышку приложил. Вот и обвёл ручкой место, чтобы не забыть. Потом кино смотрел – отвлёкся, ничего не чувствовал. А тут и конференция началась: ты только заговорил – сразу ощущения вернулись. Это точно не совпадение.

Настроение беседы изменилось.

Ребята наконец-то начали задавать интересные вопросы, подстёгивающие мою память.

Я вспоминал подробности нападения чёрных пятен и предлагал варианты дальнейших исследований. Через несколько минут все уже радовались моему открытию, признав его самым значимым событием проекта. Решили модернизировать тренировки: теперь участники эксперимента делают по два комплекса упражнений, один физический, другой в уме.

Коллективно постановили, что надо созвать ещё одну конференцию в ближайшие дни: сегодня нас было маловато для такого поворота в исследованиях. Выбрали пятницу. На том и закончили внеплановую встречу.

Довольный и удовлетворённый признанием, я уже собрался выключить компьютер, как получил запрос на видеосвязь.

«Роберт Шарп», – высветилось на экране.

Я вдруг вспомнил, что за всю конференцию глава проекта не проронил ни слова, кроме приветствия в начале беседы. До сих пор я не придавал этому значения.

Только нажал «принять звонок», как раздался голос:

– Не хотел спрашивать в общем разговоре, но как ты смог понять, *что именно* они тебе говорят?

Меня настолько ошеломили его слова, что я рефлекторно задал встречный вопрос, хотя и так знал, о чём шла речь:

– Эти пятна?

– Да. Сколько раз я ни попадал в тот мир, всё не мог понять, можно ли с ними как-нибудь общаться.

Роберт говорил так естественно и непринуждённо, что я насторожился: не разыгрывает ли он меня?

– Ты тоже их видел? – задал я ещё один ненужный вопрос.

– Да, несколько раз. Только они не очень-то любят гостей: либо прячутся, либо как в твоём случае.

Он рассмеялся, а я даже не улыбнулся.

Час назад я думал, что открывал людям невероятный новый мир, а теперь оказалось, что мир уже давно открыт, и для этого парня, ухмыляющегося с экрана, прыжок в другое измерение так же прост, как поход в булочную!

Видя моё замешательство, Роберт сказал уже серьёзно:

– Пусть всё, о чём мы сейчас говорим, пока останется между нами, хорошо?

Я кивнул, и он продолжил:

– Существ, которых ты увидел, я обнаружил около месяца назад. Помнишь, когда я рассказал про движения животных из книги? Нарисовал ещё странные картинку и вам показал.

Я кивнул.

– Я их придумал через пару дней после того, как познакомился с этими чёрными пятнами. А ещё месяцем раньше я увидел такое же поле, которое ты назвал капсулой. Кстати, «капсула» – отличное слово! Спасибо за подсказку. Буду теперь его использовать.

– Что-то не пойму, – нахмурился я. – Хочешь сказать, что ты всё знал заранее, и упражнения – ненужная ерунда?

– Нужная! Что ты! – поспешил успокоить Роберт. – Не делал бы ты их – не получил бы такого быстрого эффекта.

– Ты же сам говоришь, что во всём давно разобрался безо всяких упражнений.

Роберт рассмеялся.

– Разобрался? Да я только больше запутался, и без тебя и других ребят мне не выбраться из этой мути. У меня одни догадки и никаких фактов. Я просто однажды читал книгу, и меня так накрыло, что я подумал: «Схожу с ума».

Он окинул взглядом мою недоверчивую мину и заговорил понятнее:

– Представь, сидишь ты с книжкой в руках, рассматриваешь картинки, разбираешь санскрит, в котором у каждого слова столько значений, что одну фразу можно перевести двадцатью разными способами. И вдруг у тебя начинают жужжать руки. Вроде и звука нет, но они будто бы звенят. Потом жужжание превращается в онемение и распространяется выше, до груди. Так у меня было. Я думал – всё, конец: паралич пробирает. Смотрю на руки в шоке, и тут ещё один приход: вижу, как неоновые спагетти зажигаются сначала в руках, затем во всём теле, а затем и вокруг тела. И через несколько секунд я уже сижу, как пухлая светящаяся куколка шелкопряда, да ещё и ни рук, ни ног не чувствую. Но тогда я переместился совсем в другой мир, не такой, в какой попал ты. Будешь ржать, но я штаны обмочил от страха.

К такой откровенности я был не готов, и рот приоткрылся сам собой. Роберт это заметил и улыбнулся:

– Ну, вот это уж точно не надо никому рассказывать. А то хорошая реклама исследований получится: «Изучай книгу – и начнёшь мочиться в штаны!»

Я прыснул смехом и расслабился. Роберт порадовался, что сумел сбить с меня недоумение и негодование, и продолжил:

– Книга, которую мы уже столько времени мусолим, – не просто талмуд с неизвестными науке явлениями. В ней нет ни слова правды с точки зрения нашего мира. Зато полно описаний других пространств и дорог к ним. Это своего рода карта с чьими-то путевыми заметками.

Год назад на такой рассказ я бы отреагировал вопросами: «Ты больной? Голову давно проверял?» Месяц назад я бы сказал: «Бред». Неделю назад я бы прокомментировал: «Неубедительно». Но за последние несколько часов со мной случилось столько неубедительного бреда человека с больной головой, что я начал допускать вообще любые возможности.

– А что ты столько времени молчал-то? – вызывающе спросил я.

– Ты это серьёзно? – скривил гримасу удивления Роберт. – Уже забыл, как сегодня встретили твой рассказ? Месяц назад я поделился впечатлениями со своей девушкой – заметь, не абы с кем, а с человеком, с которым мы делили вместе постель, – и она сказала, что я помещался на книге и брежу. Представляешь? У меня было намного меньше объяснений, чем у тебя. Я даже привязать ощущения ни к чему не мог: просто читал книгу, и всё само закрутилось. Да и нужно было время, чтобы повторить достигнутое.

– Ты про штаны? – не удержался я.

– М-да, лучше б про них не рассказывал, – усмехнулся Роберт. – Вообще-то это было только один раз. Но даже если бы всегда приходилось мочиться в штаны при переходе в другое измерение, я бы не остановился. Ну а что, космонавтов постоянно тошнит, а в невесомости это вообще превращается в испытание, и ничего: летали, летают и будут летать. А у нас была бы своя фишка: без подгузника за дело не братья.

Мы от души посмеялись и вернулись к теме.

– Я пока не научился попадать по желанию в какой-то конкретный мир, – продолжал Роберт. – Упражнения мы не просто так придумали: я потому и рассказал про движения, чтобы люди перестали искать смысл на страницах и начали искать отклик в теле. Мы хотели дойти до сути книги умом, а оказалось, надо доходить телом. И, судя по тебе и другим ребятам, это неплохо получается.

– Значит, и Хуан близок к цели?

– Да. И ещё несколько человек. Замечал, когда некоторые говорят, ты физически ощущаешь всё, что они описывают?

– Было дело. Я думал, это мои фантазии.

– Это не фантазии, – покачал головой Роберт, а потом вдруг вспомнил, ради чего мне позвонил. – Но это сейчас неважно. Ты так и не ответил, как разобрал, что тебе говорят те существа.

Я о многом хотел спросить Роберта, но он так настойчиво буравил меня взглядом, что я отложил вопросы на потом и стал снова вспоминать ночной опыт:

– Я их не то чтобы понимал, – неловко ответил я. – Просто знал, *что* они мне говорят. А услышанные звуки – это, скорее, интерпретация того, что они транслировали.

Повисла тишина. Через несколько секунд Роберт откинулся назад на спинку стула, и я только тогда понял, в каком напряжённом ожидании он меня слушал. Теперь он расслабился и улыбнулся:

– Надо будет *их* как-то назвать, а то обсуждать неудобно.

Мне показалось, Роберт хочет что-то сказать, но по каким-то причинам не может. И вдруг он задал совершенно неожиданный вопрос:

– У тебя есть на примете место, где я могу пожить несколько дней, когда приеду?

Я даже не понял, что он имеет в виду:

– Куда приедешь?

– К тебе в гости, – непринуждённо ответил он.

– Э-э-э... – не ожидал я. – А когда ты собираешься?

Роберт отвёл глаза от камеры, что-то прикинул в уме и выдал:

– Сегодня уже не успею, значит, завтра или послезавтра. Посмотрим, как получится с билетом.

С огромным усилием я сдержал удивление, скрыв его за напускным панибратством:

– Ну и правильно! Что тянуть? Приезжай, поживёшь у меня.

– Хорошо, – поблагодарил Роберт. – Как куплю билет, сообщу тебе.

Мы обменялись телефонами и адресами, которые могли понадобиться, чтобы друг с другом встретиться, и попрощались.

– Сюрприз, – сказал я, присвистнув, когда закрыл ноутбук.

Я не из тех, кто с лёгкостью пускает в свой дом хипстеров-пилигримов, но Роберт – особенный незнакомец.

Ещё в тот вечер, когда я впервые увидел видеоролик про сумасшедшего студента со странной книгой, я понял, что у этого парня есть чему поучиться. Мне даже польстила неожиданная возможность принять такого гостя. Хотя, что удивляться внезапности? За три месяца он выходил на связь с трёх разных континентов. Пора бы привыкнуть к его подвижности.

О Роберте я знал только то, что прочитал в его биографии на сайте исследовательского проекта. К своим двадцати пяти годам он уже побывал в тридцати странах, выучил три языка без учёта родного английского и опубликовал несколько больших статей о путешествиях. Этого скупого описания мне хватило, чтобы причислить Роберта к людям, с которыми нужно общаться и у которых нужно перенимать лучшие черты.

Мне тоже хотелось с лёгкостью срывать с места и колесить по всему миру, но я так не делал: вместо того, чтобы предвкушать новые впечатления, я упорно представлял трудности с деньгами, транспортом, проживанием. Когда привык к своему маленькому миру, сложно делать шаги за его границы.

Только оказавшись в ином измерении, я со стороны посмотрел на действительность, в которой жил. Как же она мала! А ведь я считал себя человеком, который постоянно развивается и совершенствуется.

В приезде Роберта я увидел шанс изменить жизнь, но я и представить не мог, как сильно она перевернётся.

Глава 4. Первое свидание

«Через сутки-двое прилетит Роберт, – свыкался я с новостью, пока собирался в университет. – С чего это он сорвался в гости?»

Догадки не хотели укладываться в голове, и я бросил бесполезные рассуждения. Приедет – узнаю. В конце концов, мне предстояло куда более важное дело, чем встреча приятеля из-за океана: нужно поговорить с Кариной!

От этой мысли тело пробрал озноб.

Вчерашний мимолётный диалог оказался фитилём, который медленно горел целые сутки и только сейчас довёл искру до заряда. «Джай, у тебя ручка есть?» – вспоминал я слова Карины, и меня вновь окатывала волна любви, заполняя грудь неизвестным жгучим чувством.

По расписанию сегодня были две лекции. На первую – культурологию – собирались студенты со всего курса. Значит, надо приехать заранее, чтобы подловить Карину перед парой.

Быстрые сборы, завтрак на ходу, автобус – и вот я в университете.

Прошло только полтора часа после разговора с Робертом, а я уже напрочь о нём забыл. Опершись о подоконник перед входом в большую аудиторию, я подждал Карину. Тут не до параллельных измерений: в своём бы не опозориться! Внешне спокойный и уверенный, внутри я трясся: казалось, с каждым ударом сердца организм впрыскивал в кровь дополнительную порцию волнения, как будто бы я замыслил что-то противозаконное и ужасное.

«Другого выбора нет, – успокаивал я себя. – Ходить вокруг да около – не вариант. Ничем же не рискую. В худшем случае она просто рассмеётся мне в лицо, и всё закончится».

Логика, которой я себя подбадривал, помогала слабо. Чтобы перехватить Карину, я проторчал перед аудиторией минут тридцать, но текли они так долго, что могли сойти за два часа. Чем дольше ждёшь, тем страшнее становится.

Мимо проходили студенты, одни приветственно кивали, другие здоровались, протягивая руку, и я с трудом сдерживался, чтобы не выдать дрожь в рукопожатии. Некоторые одногруппники подходили и интересовались, как я себя чувствую, – позавчера я охотно всем рассказывал, что пятничное таскание парт дорогого стоило. О быстром исцелении я, конечно же, умолчал, чтобы не скрашивать тяжёлую студенческую ношу.

«Что ж вы вчера не спрашивали, когда у меня было море времени для болтовни?» – недовольно думал я, вежливо спроваживая незваных собеседников.

А один вообще остановился и заговорил о погоде. О погоде!

«Да что с вами?» – свирепел я, как вдруг увидел вдалеке Карину, идущую в компании двух подруг.

– Слушай, я тут кое-кого поджидаю, поэтому давай на паре поговорим, – сказал я навязчивому приятелю, не отводя взгляда от приближающихся девушек.

Тот хотел развернуться, чтобы увидеть, кого я жду, но я аккуратно придержал его за плечи и лёгким толчком направил в сторону аудитории, похлопав по спине:

– Займи мне место, я скоро подойду! – кинул я вслед, хотя через секунду уже забыл лицо этого любителя природы.

Карина заметила меня издали и, пока приближалась, не сводила с меня глаз, хоть и продолжала беседовать с подругами. Как будто почувствовала что-то неладное.

– Привет! – сказала она, поравнявшись со мной.

В ту секунду я был готов поклясться, что узнал, как звучит сама нежность. Её «привет!» разнёсся по моей груди и одним щелчком изгнал всякий страх.

– Привет, – ответил я. – Помнишь, ты вчера у меня брала ручку? Я хотел об этом поговорить.

Если она сейчас вlepит мне пощёчину, я ей только спасибо скажу: за такое тупое начало разговора надо жестоко наказывать. Увы, ничего вразумительнее я сформулировать не смог. Мысли попрятались по углам головы, оставив меня наедине с бессловесными чувствами и вчерашними воспоминаниями.

Карина повернулась к подругам:

– Займите мне место, я сейчас подойду, – попросила она.

Те смерили меня взглядом, расплылись в улыбке, покровительственно кивнули и удалились.

Потом она повернулась ко мне, усмехнулась и, понизив голос, спародировала мафиозного босса из прошлого века:

– Ты у меня брала ручку, – причмокнула она. – За это нужно ответить!

Мы рассмеялись, и она продолжила:

– Что ж, давай, выкладывай. От ручки теперь духами несёт, и я должна тебе новую?

Её ирония нещадно испытывала мою решительность, но я не сбился с курса:

– Пока не нюхал, но теперь обязательно это сделаю, – ответил я. – С этого дня в мире станет больше на одного извращенца, нюхающего ручки.

Карина хихикнула, а я быстро продолжил, чтобы не терять динамику:

– Но поговорить хотел не об этом. Просто вчера было странно: ты вроде всего лишь попросила ручку, а сказала гораздо больше, и я потом весь день только об этом и думал. Понимаешь, о чём я?

Фраза получилась кривой и прямой одновременно. Слова шли не из головы, а из глубины тела, рождаясь где-то внизу живота, и, как по столбу, поднимались до кончика языка. Как извергающийся поток лавы, звуки вырывались из горла и жгли стереотипы общения. Карина не ожидала подобного и несколько секунд молчала, не находя что ответить.

Справившись с замешательством, она вернула прежнюю уверенность и иронично спросила:

– И что же я тебе такого наговорила?

Что-то горячее разлилось в моей груди. Встречный вопрос оказался откровеннее любого ответа. Теперь я точно знал, что ручка была лишь поводом. Девушки и правда умнее парней: если бы мне хватило мозгов, я бы уже давно проделал с Кариной точно такой же трюк вместо того, чтобы просто на неё смотреть и думать, как она хороша.

Я ощутил себя настолько свободно, что захотелось унести с Кариной в небо.

– Я ещё не всё расшифровал, – деловито начал я, – но, по-моему, ты вчера хотела сказать, что не прочь сегодня прогулять культурологию и вместо неё сходить в парк.

– Ого! – не сдержалась Карина от удивления. – Вот это заявление!

Она издала смешок из разряда «ну и наглец же ты!». Улыбаясь, внимательно смотрела на меня, делая вид, что размышляет, но я понимал: она прислушивается к своим чувствам, проникая ими сквозь меня.

Доверится или отступит?

Как ни странно, в это мгновение мне было всё равно: я совершил действие, непродуманное, но уверенное, и дальше будет что будет.

– Я что, ошибся в расшифровке? – усилил я напор.

Не спеша с ответом, она расплылась в довольной улыбке:

– Не ошибся.

Затем она вдруг оживилась, быстро посмотрела по сторонам на убывающий поток студентов и, поманив меня к выходу, заговорщически сказала:

– Тогда нужно отсюда выбираться, пока культуролог не пришёл.

– В парк! – шепнул я для усугубления запретности, хотя мог бы и крикнуть, и всем вокруг было бы всё равно.

– В парк! – тоже шёпотом подтвердила Карина.

Добавив наигранной скрытности походкам, мы пошли к выходу в университетский сад, чтобы через него пройти в городской парк.

За первым же углом мы чуть не столкнулись с профессором культурологии. К счастью, тот увлечённо смотрел в свой телефон и нас не заметил. Подождав, пока он скроется из виду, мы разразились хохотом, собрав много недоумённых взглядов опаздывающих на лекции студентов. Ещё минута быстрого шага – и яркое солнце подхватило наш смех: мы оказались в саду, примыкающем к большому городскому парку.

Одной лекцией не обошлось: в жертву принесли и вторую. Гуляли часа три, и за это время я окончательно сроднился с местными аллеями, тропинками, скамейками, мостиками и смотровыми площадками – парк всегда мне нравился, но эта его часть раньше не казалась настолько уютной. Может, я просто не бывал здесь в правильной компании.

Мы с упоением разговаривали обо всем, и та искренность, с которой начали беседу, быстро научила нас чувствовать друг друга. Не было привычной в таких случаях игры: мы не создавали себе образы, а открыто говорили о том, что ощущали и переживали, не пытаясь скрасить свои черты и взгляды.

Я удивлялся, насколько мои прошлые представления об общении мужчины и женщины были отравлены социальными стереотипами. Кому нужны эти шаблоны «подкатил-позаигрывал» с кучей рассуждений, когда можно вот так просто обмениваться внутренними состояниями?

Даже когда мы молчали, глядя на купающихся в озере уток, мы внимательно слушали друг друга. Всем телом я ощущал наше незримое взаимодействие, как будто волны всецелого принятия размеренно качались между нами из стороны в сторону. Я не разделял нас на мужчину и женщину, не отождествлял Карину с её внешностью или словами: я восторгался самим фактом её существования и возможностью чувствовать с ней единение.

Случайно вспомнил, как смотрел на неё до этой прогулки: каким же я был пошляком! Ноги, грудь, лицо, весёлая, добрая, умная – мне нравилась не Карина, а общепринятый шаблон привлекательности, который я на неё наложил.

«Умная и красивая» – дурацкая внешняя оболочка, поклонение которой пропагандируется в социуме. А тут передо мной *настоящая* Карина, прекрасная и живая, без сравнительных характеристик, изначально великолепная во всём.

– Ты считаешь себя красивой? – спрашивал я, пока мы сидели на скамейке, смотря на озеро.

– Конечно, – ответила она. – Это тебя утки на вопрос натолкнули? Если что, у них всё наоборот: самцы – яркие разноцветные пижоны, а самки – неприметные коричневые тихони.

– А почему «наоборот»? – уцепился я за аналогию. – Нас, самцов, хлебом не корми – дай повыпендриваться. Хочешь сказать, ты тоже пижонка?

– Да, наверно, – улыбнулась она. – Я люблю внимание, но только если я на коне. Если лажаю, сгораю от стыда, когда меня кто-то видит.

– И когда ты так последний раз лажала?

Карина немного призадумалась и воскликнула:

– Да вчера на семинаре! Препоп спросил, кто может сходить на кафедру за раздаточными материалами. Я сразу вызвалась – люблю всё, что делает пары поживее.

Она посмотрела вдаль на уток и улыбнулась, как мошенница после удачной аферы:

– Меня в нашей группе считают фифой-отличницей, потому что я часто вписываюсь в подобную фигню: сделать доклад, поучаствовать в конференции, помочь преподавателю. Я активно поддерживаю такую репутацию: пусть думают обо мне всё что угодно, лишь бы не хватили первыми интересные задания от преподавов, иначе учёба превратится в скукотищу. А так теперь, когда нам что-то предлагают, народ сначала ждёт, вызовусь ли я, – очень удобно. Люди

не понимают, что смысл университета не в лекциях, а в том, чтобы научиться общаться на разные темы с разными людьми. Дополнительные задания для того и нужны: перед одними людьми выступишь, с другими поспоришь, а с третьими просто познакомишься и поболтаешь.

Я тоже всегда отсиживался, считая себя самым хитрым. Думал: «Пусть на лишнюю работу кидаются заучки, у которых нет личной жизни». Мне и в голову не приходило, что задания помогают упражняться в деловом общении и заводить полезные знакомства.

– В общем, пошла я на кафедру, – продолжила Карина историю своего фиаско. – Там две лаборантки. Я говорю: «Дайте материалы для такого-то преподавателя», – и называю фамилию. У них там есть ячейки, куда преподаватели скидывают раздатку и проверенные работы, чтобы через лаборантов передавать студентам. Девчонки смотрят – в ячейке раздаточных материалов нет. Поискали рядом на столах – тоже ничего. Я вернулась в аудиторию уточнить у семинариста, где именно лежат материалы. Он говорит: «Должны быть в ячейке. Я вчера их передавал лаборантке». Я снова пошла на кафедру, закошмарила там девочек, но они так и не смогли ничего найти. Вернулась в аудиторию с пустыми руками и сказала, что лаборантки глупые, поэтому ничего мне не дали. Преподаватель удивился, пошёл сам и возвратился с раздаткой и вопросом: «А вы точно на моей кафедре были? Девушки сказали, к ним никто не заходил». Оказалось, что я, такая деловая, завалилась не на ту кафедру, где есть преподаватель с такой же фамилией. Я даже предмет не назвала – а ведь тогда было бы сразу понятно, что пришла не туда. Зато права качала, как заправская адвокатша. Мы на семинаре, конечно, посмеялись, но мне было реально стыдно.

Рассказав историю, Карина тоже поинтересовалась, считаю ли я красивым себя. Я хотел выдать что-то замусоленное, в духе «красота мужчины в его делах», а потом подумал: «Да кого я тут собираюсь обманывать?»

– Да, считаю, – ответил я и усмехнулся. – И даже если кто-то с этим не согласится, мне наплевать. Я-то лучше знаю.

– Замечательно! – воскликнула она. – Ты прошёл испытание и стал полноправным членом клуба зазнаек!

Мы захохотали так, что несколько уток отлетели от нас подальше.

Как же здорово говорить без фальши – из сердца сразу на язык! В груди воспламенилась искренность и быстро растопила толщи интеллектуального льда: когда по-настоящему хочешь узнать другого человека, сразу перестаёшь умничать.

Затем огонь искренности выпарил поверхностные эмоции и показал, с чего начинаются глубокие чувства. Мы не просто перебрасывались фразами: я окутывал своими ощущениями Карину, а она обволакивала своими меня.

Так прошли три фантастических часа, вобравшие в себя годы удовольствия. Я чувствовал каждое мгновение и наслаждался им. Из моей груди истекал поток тепла, заполняя всё вокруг. А когда он встречался с горячими лучами, льющимися из сердца Карины, я заходил в приступе радостного подъёма, резонирующего во всех клетках тела.

Мы попрощались в начале четвёртого. Телефонами обменялись, а договариваться о следующей встрече не стали: зачем торопиться с планами, если прямо сейчас ты счастлив? Мне хотелось прочувствовать текущий момент, а не уводить внимание в ожидание будущего. Думаю, Карине тоже, поэтому, выйдя из парка, мы просто посмотрели друг другу в глаза и, улыбаясь, сказали: «До завтра!»

До дома можно доехать на автобусе, но погода слишком хороша, чтобы не пройтись по мягкому солнышку.

По пути я увидел вывеску овощного магазина и вспомнил, что иду к пустому холодильнику, поэтому зашёл прикупить еды: как раз на днях нашёл несколько рецептов, как готовить кабачки, цветную капусту, тыкву и свёклу.

Стоя перед витриной с продуктами и листая в телефоне заметки с рецептами, я краем глаза увидел голые ноги на высоких каблуках. Вместо того, чтобы перевести взгляд и полюбопытствовать, чьи это ноги, я отвернулся в другую сторону, дабы никто не мешал мне разбираться, какие специи нужны к кабачкам. Через несколько секунд я отвлекся от экрана и призадумался:

«При выборе „голые ноги – полезные рецепты“ я без колебаний выбрал второе. Какой кошмар! Мне же только двадцать один, а не шестьдесят!»

Я быстро взял себя в руки и заставил посмотреть на девушку: ну да, мини-юбка, обтягивает. Вот только на ней не написано, как запечь тыкву, чтобы она получилась похожей на изумительный торт, так что, юбка, не мешай – я по рецептам.

Я не сомневался, что увлечусь готовкой в моём возрасте – признак старения, и всё равно не собирался отказываться от этого преждевременного интереса: пусть он будет моим постыдным удовольствием, которое я сохранию в тайне.

Впрочем, что тут такого? Отношения с едой намного интимнее, чем с девушками. Впервые, ем я трижды в день, а то и чаще, что уже бьёт мои лучшие рекорды близости. А во вторых, еда, попадая в организм, перерабатывается и становится мной – такого единения я не испытывал ни с одной девушкой. Разве что на горизонте появилась Карина, которая так прекрасна, что может нарушить гегемонию еды по всем пунктам, но пока это только гипотеза.

До недавнего времени я считал, что тело – лишь оболочка, эдакое хранилище чего-то большего, вроде заряда неизвестной энергии или того, что называют душой. Конечно, я уделял внимание здоровью, избирательно подходил к еде, тренировал мышцы, но делал это без уважения и любви.

К примеру, с детства я знал: чтобы нравиться девочкам, нужно быть крепким и сильным. Позже, в юности, мне рассказали, что нужно следить за своим здоровьем и одеваться по погоде, чтобы быть модным и современным. И ещё все кругом твердили, что я проживу долго и счастливо, только если буду правильно питаться и избегать вредных привычек. Вот я и выполнял предписания социума, потому что *так надо*.

Когда я начал изо дня в день повторять упражнения и записывать наблюдения за телом, то посмотрел на свой организм иначе и со временем стал тоньше чувствовать, как он реагирует на еду, эмоции, людей, идеи и решения. Оказалось, у тела на всё есть собственное мнение, порой не совпадающее с моими рассуждениями и уж тем более идущее вразрез с тем, что принято в социуме за среднюю норму.

Тело превращалось в комплексный многоуровневый сенсор, в детектор ложного и истинного. Я увидел своё тело не как что-то отдельно взятое, не имеющее ничего общего с настоящим мной, а как незаменимую и крайне важную часть себя. А когда впервые скакнул сознанием в другое измерение, то важность плоти стала совсем очевидной: я там хоть и не ощущал рук и ног, но видел тело как проводник энергии, поддерживающей жизнь.

Жажда разобраться нарастала.

«Какая связь между переходом в другой мир, упражнениями по книге и чувствами к Карине?» – мысленно спрашивал я то ли себя, то ли овощи, которые рассматривал на полках магазина.

Решил, что вечером отправлюсь за ответом в измерение, где меня так неприветливо приняли. Пока придумывал план, как это сделать, купил продукты и принёс их домой. Идти голодным в гости в другой мир неразумно, поэтому я неспешно приготовил ужин, продолжая размышлять, как пойдёт беседа с чёрными пятнами в этот раз. Еда вышла вкусной: съел огромную тарелку тушёных овощей, изрядно политых маслом и заправленных сметаной.

Объелся. Придётся полежать на левом боку, чтобы быстрее переварить, а потом уж в путь по другим измерениям.

Подумано – сделано. И вот я уже лежу на диване, поглаживая переполненный живот, который перетягивал на себя всё моё внимание.

Прошло немного времени, как вдруг я услышал тихий звук, идущий от входной двери: кто-то снаружи вставлял ключ в замочную скважину!

Родители? Без предупреждения?

Ключ в замке дважды провернулся, и дверь начала открываться. От неожиданности я вскочил на ноги и замер, не в силах ни закричать, ни шелохнуться – только ждал в изумлении и наблюдал.

Дверь распахнулась, и в квартиру вошла... Карина!

Я стоял неподвижно, не понимая, что происходит, но при виде Карины почему-то успокоился.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я, внимательно следя за её движениями.

– То же самое хотела спросить тебя, – недовольно ответила она, заметив мой пристальный взгляд.

– Не ожидал увидеть тебя снова, – подозрительно сказал я.

Мой голос был на удивление грубым, как будто сегодня и не было восхитительного свидания.

– Я только возьму что нужно и уйду, – холодно произнесла она.

Теплоты в её словах не чувствовалось. Я тоже не щеголял галантностью и решительно потребовал:

– Собираешься объяснить, что происходит?

Карина посмотрела мне в глаза, и в её взгляде я прочитал глубокую усталость:

– Я тебе уже сто раз объясняла: ты уже не можешь отличить фантазию от реальности. А жизнь проходит, Джай! – она повысила голос. – Ты, как баран, уставился на новые ворота и ничего не делаешь.

От возмущения я набрал побольше воздуха в грудь и сразу начал с крика:

– Да что ты несёшь?!

Собираясь отвесить оскорблений, я вдруг заметил, как вокруг меня и Карины сгустились два роя из тысяч тёмных пятен. Рои кружились вокруг головы, шеи, груди и живота. Прошла секунда – и тысячи свирепых существ бросились в голодной ярости, чтобы растерзать нас в клочья! Я отчаянно замахал руками и в ужасе вскочил с дивана.

– Дварки! – запыхавшись, выпалил я.

В тёмной комнате никого не было.

Я уже понял, что уснул и увидел сон, но чувствовал, что там были именно *они*. И теперь я знал, как их зовут.

Долгое время не мог уснуть, несмотря на то, что сильно устал. Я постоянно прокручивал в памяти воспоминание, как тысячи дварков вгрызаются в плоть и разрывают меня изнутри. Я пытался забыть увиденное, убедить себя, что это сон, но ощущения в теле не пропадали, как будто всё происходило в действительности. Страх не позволял списать пережитое на разбушевавшееся воображение.

По всей квартире я зажёл свет и занавесил шторы, затем несколько раз перепроверил входную дверь, для надёжности даже подперев её стулом. Любой шорох заставлял меня тянуться к табуретке: в случае чего буду отбиваться ею изо всех сил. Чтобы не колыхались шторы, я закрыл окна и форточки, но очень скоро стало так невыносимо жарко, что пришлось снова их открыть. Записывать ощущения в ту ночь я не рискнул: казалось, что, если письменно сформулирую воспоминания, дварки полезут прямо из бумаги.

Я не переставал думать, при чём же здесь Карина и как она связана с этими безжалостными тварями. И откуда в моей голове прозвенело слово «дварки»?

Какой же кретин придумал, что сон – это только проекция наших подсознательных мыслей? Чёртов неуч! Посмотрел бы я на него, окажись он на моём месте!

Помимо страха подмешался и стыд. Пришлось признаться самому себе: сразу после пробуждения мне было безразлично, что случилось с Кариной. Когда на неё напал рой, меня заботила только собственная безопасность.

Приступ эгоизма наглядно показал, что своя жизнь важнее любой другой. А ведь я воспитывался на книгах и фильмах, в которых главные герои так и норовили пожертвовать собой во имя идеи или соплеменников. Где же подвох? В моих чувствах или в действиях обманутых глупцов?

Вопросов – море, но я решил не искать ответы: найду потом. Сейчас стояла задача поважнее: надо срочно придумать, как перестать бояться и накручивать себя на пустом месте – ничего ведь не произошло! Тогда почему же так страшно, что аж коленки трясутся?

Рецепт от страха нашёлся – надо забыться.

В качестве лекарства от беспокойства я принёс из спальни ноутбук, снова разлёгся на диване, накрылся пледом и стал смотреть сериал, к которому возвращался, когда хотел убить время. Несколько следующих часов перед экраном стёрли переживания, и к утру, как только рассвет стал пробиваться в комнату через закрытые шторы, я уснул.

Меня разбудил неожиданный звонок телефона, на который я спросонья ответил, не посмотрев, кто звонил. Бодрый мужской голос из динамика что-то говорил на фоне звука взлетающего самолёта. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы разобрать английскую речь:

– Алло! Повторите, я ничего не понял, – сказал я хриплым голосом.

– Джай, это Роберт! – донеслось из трубки. – Я только вышел из самолёта. Через полчаса поеду из аэропорта к тебе. Ты где-нибудь меня встретишь? Не знаю, сколько до тебя ехать.

Я не смог себе объяснить, как получилось, что Роберт уже оказался неподалёку, ведь мы говорили с ним, казалось бы, всего несколько часов назад, но нужно было отвечать:

– Да! Подъезжай в кафе «Два ломтика»: Парковая улица, дом сорок три или сорок пять. Запомнишь или тебе написать?

– Запомню. Увидимся! – подтвердил Роберт и повесил трубку.

Что за человек-пуля? Уже через океан перелетел, а я даже штаны не успел снять: спал на диване в одежде.

Я разозлился на Роберта: он обещал предупредить, когда купит билеты, а сам ничего не написал. Проверив телефон, я разозлился на себя – от Роберта висело непрочитанное сообщение, которое он прислал ещё вчера утром вскоре после нашего разговора:

«Купил горящий билет по скидке, уже вышел из дома. До завтра!»

Под сообщением несколько смайлов и данные рейса.

Почему я не увидел? Потому что сначала клеил Карину у аудитории, а после забыл обо всём на свете. В голове мелькнули кадры вчерашнего свидания, и мою досаду как рукой сняло: я прикрыл веки, чтобы насладиться воспоминаниями, но через пять секунд вдруг дёрнулся и снова распахнул глаза: надо же срочно вставать и ехать к Роберту!

Сев на диван, чтобы полминутки отдохнуть после сна, я окинул взглядом комнату. Рядом – перевернутая вверх ногами табуретка. Все лампы и люстры в квартире включены. Шторы закрыты, но пробивающиеся через них лучи солнца побеждали электричество, а это значило, что уже далеко за полдень.

Глядя на табуретку, я восстановил в памяти вчерашний вечер с приснившимся кошмаром и последующим сериальным видеомарафоном. И чего я испугался? Безобидного сновидения? Смешно! Умиляясь своей наивностью, я посмотрел на часы и убедился, что проспал не только прилёт Роберта, но и сегодняшние пары. Ладно, ничего страшного, обойдутся без меня.

А ещё часы напомнили, что уже время обедать, а я даже и не завтракал. Что ж, не зря я на автомате договорился встретиться с Робертом в кафе: эту идею я придумал заранее, и здорово, что после шальной ночи она всплыла в голове.

Не знаю, что больше меня мотивировало на сборы: скорая встреча с удивительным человеком или перспектива хорошенько поесть в кафе. Я знал одно: оставшаяся половина дня теперь точно будет фантастической.

Глава 5. Встреча в кафе

До «Двух ломтиков» от меня идти всего пятнадцать минут, поэтому собирался я спокойно, попутно расставляя и раскладывая вещи по правильным местам: надо же хоть как-то подготовить квартиру для принятия гостя.

«Для встречи мужика уже достаточно, – оценил я наведённый порядок. – Хорошо, что Роберт – не моя мама и не девушка, иначе бы полдня пришлось всё драить».

На улицу я вышел вдохновлённым и весело зашагал к условленному месту.

Настроение замечательное!

После бессонной ночи я долго спал в забытии и отдохнул прекрасно, поэтому смотрел по сторонам и радовался всему: лучам солнца, приятно греющим лицо, детям, играющим в шумные игры, проходим, которые казались особенно добрыми и приветливыми. Я будто впервые вышел из квартиры: тут и прелестные причудливые деревья, растущие вдоль тротуаров, и изумительные кованые балюстрады на балконах старинных домов, и изящные подвесные горшки с разнообразными цветами. А птицы пели так, что, казалось, нет ничего великолепнее их звучных мелодичных трелей.

«А ведь всё это появилось здесь не за одну ночь, – подумал я. – И почему я раньше не замечал красот, мимо которых ходил каждый день?»

Цвета вокруг стали ярче и насыщенней. Такие перемены очень нравились, и я сиял безграничным удовольствием от всего видимого и слышимого.

Созерцая прекрасное в привычном, я дошёл до кафе.

Роберт ещё не приехал, и я сел подождать его за столиком на летней веранде. Тут же появился официант с меню, но я сказал, что дождусь друга, прежде чем что-то заказать.

Минут через двадцать к кафе подъехало такси, и из него вышел Роберт. Таксист, не говоривший по-английски, молча помог достать из багажника чемодан, бросил заморскому пассажиру неловкое «гудбай» и поспешил на следующий вызов. Не зная, надо ли при такой встрече обниматься, я просто радостно поприветствовал гостя рукопожатием и повёл его внутрь кафе – на летней веранде было шумновато из-за дороги.

– Давай сначала выберем обед, – предложил я. – Я сегодня ещё ничего не ел. А ты?

Это означало: «Мне жутко интересно, зачем ты прилетел, но не могу же я сразу наброситься с расспросами».

– Меня дважды кормили в самолёте, – ответил Роберт. – Вкусно, но мало. Так что я тоже проголодался.

А это значило: «Я понимаю, что ты в шоке от моего прилёта, и всё объясню. Только для начала выдохни».

Листая богатое меню «Двух ломтиков», мы заговорили о еде. Так я узнал, что Роберт любит острое, не любит слишком сладкое, с удовольствием ест рыбу и птицу, но после Индии совсем перестал есть говядину.

– Коровок жалко? – иронично спросил я.

– Да всех жалко, – усмехнулся Роберт. – И барашков, и курочек, и рыбок тоже. Но с коровами и быками связаны разные индийские легенды. Я наслушался их вдоволь, и теперь что-то на говядину не тянет. Хотя подсунет повар вместо одного мяса другое – я, наверно, даже и не замечу.

От Роберта не веяло той нарочитой «всеправильностью», которая прослеживалась в других знакомых путешественниках. Когда узнал и увидел больше остальных, всегда есть соблазн погрузиться в чувство собственного превосходства. В таких случаях человек либо сыплет примерами, как он добивался-преодолевал-побеждал, либо снисходительно твердит: «Что вы! Я такой же, как все». Противны оба варианта. У Роберта такого не было: он неутолимо жаждал

познавать новое и не успевал задуматься о масштабах накопленного опыта, легко превращающего скромного человека в высокомерного умника.

К нам подошла официантка, и мы сделали заказ. Я порадовался, что обслуживать нас будет не тот парень с веранды, лицо которого выражало «жрите быстрее и валите отсюда», а приветливая девушка, которая показалась особенно радушной. А ещё она понимала английский, и я с облегчением подумал, что хотя бы здесь мне не придётся работать переводчиком.

Роберт дождался, когда девушка отойдёт от столика, наклонился ко мне и тихо спросил:

– Тут принято заигрывать с официантками?

– Как и везде, – ответил я. – Хочешь – заигрывай, мне-то что?

– Я не о себе, – засмеялся Роберт. – Это же ты ей наговорил что-то, отчего она растаяла. Я не понял ни слова, но точно знаю: одним заказом дело не обошлось.

– Я всего лишь был любезен, – отмахнулся я. – Сказал, как здорово, что она нас обсуживает. Ну и добавил, что хорошо выглядит. Compliment услышать – ещё не повод девушке думать, что её вот-вот пригласят на свидание.

– Нравы понятны, – шутя подытожил Роберт.

– Ничего тебе не понятно. Просто я сейчас сияю радостью и удовольствием.

– Тебя так мой приезд ошастливил?

– Не обольщайся. Думаю, секрет в другом: сегодня ночью мне приснилось такое, отчего я чуть штаны не обмочил. Прямо как ты!

Роберт закатил глаза и улыбнулся:

– Ты теперь каждый день будешь это вспоминать?

– Пока да, прости. Очень уж впечатлил твой рассказ. Да и истории, которые со мной начали приключаться, сами напоминают об этом. И ты, похоже, понимаешь, о чём я, раз так неожиданно прилетел. Вряд ли ты примчался, чтобы просто супа хлебнуть в «Двух ломтиках».

Я исподлобья посмотрел на Роберта. Тот загадочно улыбался:

– Да уж, вряд ли, – кивнул он и уже хотел что-то добавить, как вдруг перевёл взгляд вдаль через окно.

Я повернул голову и тоже всмотрелся в улицу: там двое полицейских со служебной собакой останавливали прохожих и проверяли их металлодетекторами. Роберт подозрительно поглядел на стоявший рядом чемодан.

В одно мгновение ситуация стала напряжённой.

Я не осмеливался спросить Роберта, чего он опасается, а он всё наблюдал, как полицейские за окном досматривают людей, постепенно приближаясь к дверям «Двух ломтиков».

– Ни разу не видел, чтобы у нас на улицах вот так кого-то останавливали, – произнёс я, извиняясь за городские власти. – Наверно, произошло что-то серьёзное.

И тут Роберт по-настоящему меня напугал:

– Если зайдут в кафе и подойдут к нам, молчи и делай всё, что они потребуют, – сказал он безапелляционным тоном. – В случае необходимости я сам буду говорить.

Услышав такое, я сразу почувствовал дрожь в коленях и пальцах рук. Ну и гостя я пригласил! Что у него в чемодане? Наркотики, оружие, контрабанда или всё сразу? Я живо представил, как мне заламывают руки и везут в полицейский участок, там допрашивают и обвиняют в соучастии в страшном международном преступлении.

В этот момент, несмотря на паническое состояние, я успел сообразить, что всего минуту назад ощущал себя совсем по-другому и что на самом-то деле ещё ничего не произошло. Но страх уже поглотил. Я всегда считал себя человеком рациональным и взвешенным, поэтому такие внезапные перепады эмоций стали неожиданным сюрпризом.

Силы и уверенности для ответа я не нашёл. В то же время мне было просто необходимо выплеснуть напряжение, поэтому я отыскал взглядом официантку и крикнул ей с досадой и даже раздражением:

– Девушка, можно вас?

Услышав в моём голосе недовольство, официантка поспешила к нашему столику, едва скрывая удивление. Её недоумение легко понять: только что я был так учтив и добр, а теперь рываю, как пёс, хотя за это время ничего не изменилось.

– Что-то случилось? – заботливо спросила она, глядя мне в глаза.

Я был обезоружен.

Её искреннее желание понять, чем я огорчён, поставило меня в неловкое положение. Я почувствовал себя свиньёй за то, что без причины хотел вывалить на девушку злобу и тревогу, с ней совершенно не связанные. Я вдруг осознал простую истину: люди, которые срываются на официантов, кассиров, продавцов, дворников, газонокосильщиков, заправщиков, делают это от безысходности и собственного глубокого несчастья. Чтобы хоть где-то увидеть своё превосходство, агрессоры атакуют людей, которые играют социальную роль, не подразумевающую ответный выпад. От такого откровения я забыл о страхе, смягчил голос и снова улыбнулся:

– Нет, ничего не случилось. Просто хотел добавить чёрный чай для двоих, но не сразу, а после еды.

Девушка тоже заулыбалась в ответ и, подтвердив заказ, радостно ушла.

Только я избавился от нахлынувших переживаний, как дверь в кафе открылась, и в зал вошли двое широкоплечих полицейских с большой немецкой овчаркой. Навстречу им вышел управляющий, и один патрульный сказал ему несколько негромких слов. Тот кивнул в ответ и развернулся в сторону зала:

– Уважаемые гости, – громко проговорил управляющий, обращаясь к посетителям кафе. – Эти любезные офицеры осмотрят наше уютное место. Не обращайтесь, это просто проверка.

Уловив в зале напряжение, он добавил:

– И, пожалуйста, не предлагайте лакомства мохнатому гостю – он ведь на службе.

Шутка разрядила обстановку, многие посетители заулыбались и перестали замечать людей в форме. Кто-то вслух умилился служебной собакой, которая спокойно проходила между столами и стульями, ведомая строгим хозяином. Проходя мимо нашего столика, она на секунду задержалась, понюхав чемодан Роберта. Моё сердце заколотилось и дыхание замерло, но я тут же с облегчением выдохнул, когда собака пошла дальше. За две следующие секунды я успел посмеяться над своей мнительностью, мысленно извиниться за недоверие перед Робертом и приготовиться рассказать ему о своих нелепых предубеждениях. Но вдруг я услышал голос:

– Молодой человек, это ваш чемодан?

От таких слов я должен был испугаться в свете моих предположений и бурной фантазии, но вместо испуга почувствовал, как пространство вокруг моего тела зашевелилось, будто кто-то коснулся меня невидимой рукой. Подняв голову, я наткнулся на холодный взгляд, вроде и обычный, но какой-то неправильный: он шёл не *из* глаз, а *из-за* них, начинаясь где-то за затылком полицейского.

– Это ваш чемодан? – повторил патрульный, насторожившись от моего молчания.

Я не проронил ни слова: всё моё внимание оказалось поглощено необычной природой взгляда, пристально меня изучавшего. Выручил Роберт:

– Это мой чемодан, – сказал он непринуждённо.

Оба патрульных повернулись к нему. Собака села рядом с ними, безучастно наблюдая за диалогом. Один полицейский представился и попросил предъявить паспорт. Я вспомнил, что с собой у меня только студенческий билет, но интерес ко мне уже остыл. Встань я и уйди в тот момент – никто бы не окликнул. А вот паспорт Роберта послужил поводом для новых вопросов:

– Давно прилетели?

– Несколько часов назад, – спокойно ответил Роберт.

– В гости? – сержант кивнул на меня.

– Нет, – ответил Роберт, чем меня удивил. – Скорее, на поиски материалов для моей новой книги о путешествиях.

Полицейский о чём-то задумался и перевёл взгляд на чемодан.

– А где вы остановились? – спросил он после паузы.

– Пока нигде – только приехал из аэропорта. Но думаю остановиться в хостеле здесь неподалёку, – Роберт сделал размашистый жест рукой, показывая на улицу за окном. – Люблю такие зелёные улицы. Красиво тут!

Видя, что сержант продолжает внимательно рассматривать чемодан, Роберт добавил:

– Или здесь беспокойно и лучше остановиться где-то в центре? Как считаете?

Лицо полицейского перекошило от недоумения. Взгляд, казавшийся раньше замутнённым, вдруг сфокусировался и упёрся в глаза Роберта.

– У нас весь город спокойный и тихий, – сказал полицейский строго и даже с вызовом, но, встретив открытую и дружелюбную улыбку Роберта, неожиданно добавил, возвращая документы: – Только здесь из-за парка цены выше. Если хотите сэкономить, выберите окраину: зелени не меньше, зато вдвое дешевле.

Разворачиваясь к выходу, патрульный добавил:

– Не забудьте оформить документы, если останетесь в стране дольше, чем на месяц. Хорошего отдыха!

После разговора с Робертом полицейские пошли на улицу, больше никого не проверяя.

Я ошеломлённо смотрел на закрывшуюся со звоном колокольчика дверь кафе, с трудом веря, что всё закончилось так быстро, без досмотра и сотен вопросов. Подошла официантка и аккуратно поставила перед нами тарелки с обедом.

Мы молча начали есть.

Мне было неловко высказать Роберту возникшие подозрения, ведь в итоге ничего не произошло, но вопросов в голове с каждой секундой становилось всё больше.

– Ничего странного не заметил? – заговорил он через минуту.

Я обрадовался, что беседа продолжилась не с моей подачи, и расплылся в туповатой улыбке:

– Да здесь всё было странным! – выпалил я слишком быстро, чем сразу выдал волнение. – Что-то явно произошло между ними и тобой! Только не пойму, что именно.

Роберт тоже улыбнулся и, продолжая есть салат, поинтересовался:

– А сами полицейские чем-то запомнились?

Я попытался представить черты их лиц, но не смог.

– Тем, что они тут вообще появились! – выдавил я. – Ещё у того, кто сначала подошёл ко мне, взгляд был каким-то шальным. Будто он не глазами смотрел, а *из-за* головы. Жутковато.

Я сделал паузу, поразмыслил и добавил:

– Но странней всего были твои ответы. Я, конечно, сообразил, что ты не хотел куда-то меня вовлекать, но куда?

Роберт не спешил отвечать на вопрос, зато озадачил встречным:

– Слушай, а у вас все полицейские свободно говорят по-английски?

И тут до меня дошло: патрульный разговаривал на чистейшем американском английском! Мне и не снилось такое произношение, несмотря на то, что я несколько лет занимался с репетитором из США.

Я только раскрыл от удивления рот.

– Ты даже не заметил, что они говорят по-английски, да? – понимающе закивал Роберт.

– Да, не заметил, – гулким эхом отозвался я.

Несколько раз я прокрутил в памяти картину, как полицейский подходит и заговаривает, но так и не сообразил, почему я сразу не удивился, услышав английскую речь.

Роберт в это время усиленно налегал на еду. Его аппетит, в отличие от моего, не пострадал. Жуя, этот весёлый парень бросил небрежную фразу, от которой я покрылся холодным потом:

– Это были не люди. И ты правильно подметил: отвечал я так, чтобы не давать повода для новых расспросов. Вкусно тут готовят!

Салат, который я и до того жевал без энтузиазма, застрял неподвижной массой во рту: на несколько секунд я потерял способность шевелить челюстью, двигаться и говорить. Ничего не отвечая, я сидел и гадал, кто сейчас бредит, Роберт или я?

– То есть как это, «не люди»? – еле проглотил я комок неразжёванного салата.

Роберту понравилась моя реакция. Он явно рассчитывал полностью завладеть моим вниманием, и у него получилось сверх нормы.

– С нами общались не два бравых парня, а те, кто ими управлял.

Слова Роберта казались безумными, но они удивительно точно отражали мои собственные впечатления от встречи с полицейскими. Где-то внутри меня уже сидело понимание, что Роберт прав, но оно не вписывалось в мою картину мира. Перегретому мозгу требовалась передышка, однако я не мог остановиться и беспорядочно набрасывал новые вопросы:

– Что значит «ими управляли»? Кто? Как такое вообще возможно? Они всё-таки люди, правильно?

– Хорошие у тебя вопросы, Джай! – засмеялся Роберт. – Не зря я сюда летел. Даже удивительно, почему ты не обзываешь меня больным придурком, а спрашиваешь действительно важные вещи.

Пока я смущался, не зная, как реагировать на похвалу, Роберт закончил с салатом и перешёл к горячему блюду. Какое-то время он молчал, то ли подбирая слова, то ли наслаждаясь вкусом рагу, то ли просто выдерживая паузу для поддержания атмосферы, а после продолжил:

– Кто именно посылает всех этих людей, – начал он по порядку, – я до конца ещё не разобрался. Да, подходили к нам люди, ты прав, но общался ты не с человеком, а с существом, которое его контролировало. Мне тоже хочется больше узнать об этих существах и досконально выяснить, как они подчиняют людей своей воле. Я к тебе потому и приехал: решил, что ты сможешь.

Роберт взял со стола перечницу и стал трясти ею над тарелкой с рагу.

– Как думаешь, что они искали? – спросил он.

Я настолько замороженно его слушал, что ещё долго ждал продолжения рассказа. Он закончил посыпать перцем блюдо и вопросительно на меня посмотрел:

– Есть идеи?

– А? – опомнился я. – Не знаю. Наркотики или взрывчатку, наверно.

Показалось, что Роберт немного разочаровался моим ответом, но долго грустить по этому поводу не стал.

– Да, в какой-то степени ты прав, – согласился он. – Только с тех пор, как у меня появилась книга, таких случаев досмотров, обысков или проверок было уже, наверно, полсотни. Все ищут книгу или что-то с ней связанное, только сами об этом не знают.

Я попытался что-то проанализировать, но потонул в тоннах беспорядочных мыслей, поэтому задал предельно глупый вопрос:

– А что за книга-то?

Роберт внимательно посмотрел мне в глаза, в которых прочитал явную растерянность, и кивнул на мою тарелку:

– Ты бы поел, Джай. Мне уже сейчас чай принесут, а ты ещё и салат не осилил. Кто-то говорил, что сегодня не ел.

Предложение Роберта вернуло меня к реальности. Я увидел, что перед ним и правда стоят уже пустые тарелки, а я застыл с вилок в руке, так толком ничего и не съев: за разговором я куда-то улетел, не замечая, что мы сидим в кафе, что посетителей прибавилось и что к нашему столику вновь идёт официантка.

– Пожалуйста, ваш чай, – сказала она, снимая с подноса чайник, сахарницу и две чашки на блюдцах.

Забрав пустые тарелки Роберта, она немного замешкалась, глядя на мои, полные еды. Я уловил её взгляд и отшутился:

– Люблю неспешно поиграть с едой. Всё очень вкусно, спасибо.

Девушка улыбнулась, кивнула и ушла. Я снова переключился на разговор и мысленно повторил последний вопрос Роберта.

– А! Книга! – дошло до меня. – Извини, в голове уже каша от всего, что ты наговорил. А это мы ещё и получаса не просидели. Надо действительно поесть, потому что дальше будет ещё хлестче, верно?

Мы засмеялись. Напряжение отступило.

Пять минут трапезы в тишине – и вот я снова готов вникать.

– Давай продолжим, – выдохнул я. – Вроде полегчало. Смотри, что я понял из твоих слов: какие-то существа охотятся за книгой, которую мы всем миром мучаем, пытаюсь разобраться, зачем она нужна.

Я разогнул один палец из кулака, обозначая первый усвоенный пункт. Роберт утвердительно кивнул.

– Следующее твоё утверждение: эти существа – не люди, но используют людей в поисках книги. Домысливаю: эти же существа как-то связаны с теми, которых я видел у себя дома. Верно?

Роберт снова кивнул, и я разогнул второй палец.

– При этом, когда мы говорили на днях, ты сказал, что не знаешь точного назначения книги, но в ней, по-твоему, скрыта важная информация о других измерениях. Так?

Роберт поколебался с кивком, намекая на небольшую неточность вывода, но всё-таки согласился. Я отогнул третий палец.

– Хорошо, – произнёс я, глядя на три отогнутых пальца. – Тогда пока отбросим вопрос о нашей вменяемости и начнём с этих утверждений. Расскажи, как ты до них дошёл, с каким-нибудь предисловием. Ты, может, думаешь, что я в теме, а я вообще не врубаюсь, о чём ты говоришь. Постараюсь не перебивать.

Рассказ Роберта изменил мой взгляд на мир.

Глава 6. История Роберта Шарпа

– Первой странностью было то, что в дом, который я снимал в Индии, влезли в тот же день, когда я купил книгу. Сам факт того, что влезли, – ерунда. Я американский турист, живу на окраине – почему бы не пошарить по комнатам, пока меня нет? К этому я готов: путешествую не первый год, поэтому ценности ношу с собой или сдаю в камеру хранения. Но странно другое: тогда у меня украли все книги, которые я держал на полках. Книги обычные: пара путеводителей, «Ким» Киплинга, роман одного русского писателя и несколько автобиографий путешественников по Индии. Кому они были нужны? Ворам-интеллектуалам? Я решил, что на книги позарились только с расстройством: ничего больше не нашли, вот и взяли хотя бы это, чтобы сдать по доллару за штуку. Тогда у меня не возникло никаких подозрений. Не смутило и то, что через пару дней мои вещи досматривали целый час в аэропорту: я предположил, что в полицию пришла ориентировка с фотороботом бандита, похожего на меня.

Роберт рассказывал неспешно и с удовольствием погружался в воспоминания. Я пользовался случаем и налегал на обед.

– Когда вернулся в США, проверки не закончились: на границе до книги докопались таможенники: «Покажи документ о владении этим предметом искусства». Я им: «Это не предмет искусства, а просто красивый сувенир, купил на рынке в Мумбаи». Они: «Покажи чек». – «Алё, какой чек? На рынке же купил!» Короче, провёл у них четыре часа, пока они делали запрос в Интерпол и выясняли, не числится ли моя книга среди нелегально вывезенных из Индии раритетов. Тогда мне впервые и показалось, что слишком много странностей выпало на несколько последних дней. Если кто-то и хотел отпугнуть меня от книги, то эффект получил совершенно обратный: сразу по приезде я взялся за её изучение. Прочитал – сплошная сказка. Обратился к одному профессору в университете, а тот такой: «О! Какая интересная книга! Давай соберём совет!» Ну, окей, совет так совет, если делу поможет. В итоге ты видел на записи, чем дело закончилось: все вдруг очень захотели, чтобы я передал книгу библиотеке. Мой отказ в ролике – только начало. После той конференции ко мне в течение нескольких недель подкатывали разные профессора. Уговаривая продать книгу университету, они мало походили на себя, будто в них что-то вселилось. Но они приводили чертовски убедительные аргументы: я почти согласился и уже представлял, как буду тратить кучу денег, которую мне сулили.

Я закончил обед и перешёл к чаю, а рассказ только набирал обороты.

– Мои родители не очень много зарабатывают, – продолжал Роберт, тоже потягивая чай с чабрецом. – Но то, что я постоянно путешествую, – это результат одного их подарка. В день, когда мне стукнуло восемнадцать, отец пришёл ко мне рано утром в комнату и разбудил словами: «Одевайся, полетели в Вашингтон». Я спросонья подумал, что это очередная его непонятная шутка, но он махал перед глазами тремя билетами на самолёт. Я, конечно, догадывался, что родители не оставят без внимания моё совершеннолетие, но каникулы с мамой и папой – это явно странный подарок.

Роберт смаковал воспоминания. Необычно было видеть, с какой благодарностью молодой парень говорит о родителях. Беззаветная любовь к ним в таком возрасте – штука немодная.

– Но я смирился. Да и что ерепениться? Планов у меня особо не было, девушки тоже, попойка в клубе с друзьями подождёт – поехали! В Вашингтоне сначала стандартная программа – Белый дом, Капитолий, разные мемориалы с экскурсиями.

– А Белый дом и Капитолий – не то же самое? – перебил я.

– Нет. Приедешь в гости – вместе съездим в Вашингтон, покажу разницу. Я там тоже только один раз был, так что будем почти на равных.

– А от твоего дома далеко до Вашингтона?

– Тысяча миль.

Я поморщился, прикидывая, сколько это в километрах: тысяча двести, тысяча четыреста или тысяча восемьсот – всегда путался в этих извращённых измерениях.

– Тысяча шестьсот километров, – заботливо помог Роберт, увидев мою озадаченность.

– Спасибо, – буркнул я, ощутив неловкость. – Перед поездкой в гости подтяну знания про США. Извини, что перебил.

– Да ничего, – ответил Роберт и вернулся к рассказу. – В общем, погуляли по Вашингтону до вечера, потом поехали в отель. Родители сказали, что завтра ещё кое-куда надо сходить, а вечером уже в аэропорт. Я-то ещё хотел по городу погулять, раз уж приехал, но вся поездка – это и так большой подарок. Не то чтобы я прыгал от восторга, ведь Вашингтон – не Лас-Вегас, но всё равно было приятно. Родители весь день чему-то радовались, как дети. Шушукались, смеялись, отец наставлял меня: «Это сердце твоей страны, сынок. Тебе сегодня восемнадцать, и на тебя ложится ответственность не только за свои поступки, но и за весь мир». Мама добавляла: «Мы верим, что ты станешь достойным гражданином». Всё это сильно бы меня взбесило, если бы не их искренняя наивность. Они поселили меня в отдельный номер, и перед сном я прокручивал весь день, запоминая радость родителей. Почему-то захотелось запечатлеть в памяти их пафосные речи и простодушные улыбки.

Роберт вдруг рассмеялся:

– Я даже и не представлял, что они разыгрывали передо мной комедию! Считал их простаками с промытыми мозгами, а на деле сам оказался дураком.

– В смысле?

– В прямом! Все эти шаблонные выражения ярых патриотов они бросали просто ради прикола, чтобы проверить, где моя точка кипения. Издевательство достигло апофеоза следующим утром, когда родители привели меня в музей естественной истории. Встали у стенда с пещерными людьми. Отец и говорит: «Вот, сынок, если бы не Соединённые Штаты, сейчас весь мир ходил бы в таком виде», – и показывает на неандертальца. Я уже не выдержал, взорвался и заорал: «Ты что, серьёзно?!» Тут же мама прыснула смехом, да так громко, что я сначала решил, ей плохо. Папа тоже как давай ржать, аж за живот схватился. А я стою, красный от злости, и ничего не понимаю. Оказалось, они меня уже второй день троллят и испытывают на прочность, чтобы подойти к главному... может, счёт возьмём?

– Что? – не понял я поворота истории.

Рассказ настолько меня увлёк, что я забыл обо всём на свете.

– А, счёт! – сообразил я. – Да, давай.

Я нашёл глазами официантку и поднял руку. Девушка подошла, и мы попросили два отдельных счёта. Мне не терпелось узнать, что же было главным, но Роберт держал паузу до выхода на улицу.

– Куда дальше? – спросил он, когда за нами закрылась дверь кафе.

– Ко мне. Забросим чемодан, а потом решим, что будем делать. Ты ещё так и не рассказал, зачем приехал, – ответил я саркастически.

– Да-да! На чём я остановился? – закатил глаза Роберт, прекрасно зная, на чём.

– Тебя развели собственные родители.

– А, точно! В музее они признались, что дурачили меня два дня. Спрашиваю: «Зачем?» – а они говорят: «Чтобы хорошенько запомнил, как видит мир тот, кто не путешествует по другим странам». А потом отец ненавязчиво добавляет: «Ладно, поедем где-нибудь пообедаем и будем тебя собирать в дорогу. Вот твои билеты». Я отмахиваюсь: «Да ладно, пусть у тебя хранятся». Потом замечаю, что он протягивает целую пачку билетов, а должен быть всего один. Взял, ничего не понимая, начал их перебирать. Мама: «Эй! Местами не меняй. Они разложены по порядку». И тут до меня доходит: все билеты на моё имя, но в такие города, названия которых я даже не слышал! Причём одни билеты на самолёты, другие – на поезда.

Оказалось, это индивидуальный тур по Африке с посещением шестнадцати стран! Прикинь? А потом отец как бы между делом сказал: «Ладно, не будем терять время, а то ты сегодня ночью летишь в Марокко. Через полгода вернёшься другим человеком. Хоть развеешься немного перед поступлением в колледж».

Роберт остановился, чтобы осмотреться и, по-видимому, запомнить незнакомую дорогу. Он развернулся назад, чтобы понять, как далеко мы ушли от кафе, поглядел по сторонам и снова продолжил путь так уверенно, будто знал, куда идти. Я улыбнулся его методу ориентирования.

– Я даже произнести ничего не мог, – продолжил Роберт, когда чемодан снова тихо застучал колёсами по тротуарной плитке. – А мама от умиления расплакалась. Шесть месяцев, Джай! Ты можешь себе это представить? Они этот подарок два года готовили! Организовали трансфер, жильё, экскурсии, денег дали в дорогу. Подарили в довесок рюкзак с полным набором туристических вещей, ноутбук и экшн-камеру, чтобы я мог видео снимать и монтировать на случай, если решу стать блогером. Я несколько суток в себя прийти не мог: ходил по Касабланке и Марракешу и не верил, что это всё реально. Сколько они денег угрожали – понятия не имею. Но этот подарок был самым...

Тут Роберт так громко выкрикнул череду хвалебных ругательств, что две женщины, шедшие навстречу, брезгливо скривили рты: может, они и не распознали всех сложных оборотов грязного английского, но услышанного им хватило, чтобы осудить хама-американца.

Я засмеялся и, поравнявшись с женщинами, сказал им:

– Извините моего друга. Ему так понравился наш город, что не может подобрать приличных слов.

Женщины ничего не ответили и прошли мимо, но я заметил, как их взгляды потеплели.

– О, прости, – опомнился Роберт, когда догадался, отчего я вдруг поговорил с прохожими. – Я что-то разошёлся. Но представь мой шок тогда, если уж почти семь лет прошло, а я до сих пор под впечатлением. К чему я это всё рассказываю? Чтобы объяснить, что денег у меня особо никогда не было, хоть я и путешествую по несколько раз в год. Из тура по Африке я привёз два чемодана необычных сувениров. Когда показывал их знакомым, у меня стали спрашивать, почём я их мог бы продать. Тогда я рынка вообще не понимал, поэтому здорово удивился, что кого-то заинтересовали побрякушки, которые делают ремесленники африканских племён. Но спрос был, я нашёл оценщиков, в итоге несколько сувениров продал перекупщикам по пятьсот долларов за штуку. Решил, что это шанс. Стал изучать культуры разных континентов и смотреть, что пользуется спросом в США на рынках антиквариата, этнических сувениров, минералов, зарубежных книг – в общем, всего, что позволило бы мне съездить в какую-нибудь далёкую страну, привезти оттуда на продажу что-то необычное и покрыть все расходы на путешествие.

Роберт глубоко вздохнул и иронично закатил глаза:

– Юным романтиком был! После нескольких удачных поездок, когда я всё окупал, я решил на этом зарабатывать. Но как только брался за дело, сразу или на таможне конфисковывали сувениры, или багаж терялся, или неожиданно пропадал спрос именно на то, что я привозил. В общем, через некоторое время стало понятно, что Вселенная по каким-то причинам сдерживала рост моего достатка, оставляя лишь столько, сколько необходимо для нового путешествия, и немножко сверху. Книгу я, кстати, тоже купил только для того, чтобы выгодно продать по возвращении домой.

– Многие из нашей исследовательской группы, – сказал я, – считают, что ты настоящий фанатичный учёный, готовый на всё ради науки, поэтому самозабвенно ищешь источники древней мудрости. Говорили, ты для этой цели даже специально выучил санскрит.

Роберт покачал головой:

– И ты, пожалуйста, не спеши разрушать мой светлый образ в глазах общественности. Он нам ещё пригодится. А в санскрит пришлось углубиться по корыстным соображениям. Я не раз бывал в Индии и на Тибете, и мне часто хотели втюхать вместо книг или свитков, имеющих хоть какую-то ценность, дешёвые неграмотные подделки. Большинство продавцов в Индии сами санскрита не знают, да даже те, кто делает копии старинных книг, порой не различают разницу в начертании символов. Скажу больше: большинство людей, переписывающих книги с целью их дальнейшей перепродажи, превращают живые тексты в мертвые.

– Это как? – заинтересовался я.

– Ну, пережил ты, например, что-то интересное: ходил в поход или почувствовал дикое влечение к официантке, – Роберт покосился на меня, ожидая бурную реакцию.

Я не поддался на провокацию и только усмехнулся:

– И?

– И написал об этом повесть, – продолжил он. – Другой человек начинает её читать и чувствует всё то, что ты пережил, как будто сам оказался на твоём месте.

– Это я так хорошо написал, выходит?

– Не обязательно. Это ты так хорошо вложил в текст свои впечатления и состояния. Написано-то может быть криво, но живо. А вот какой-нибудь парень из другой страны, который даже твой язык не понимает, берёт и копирует буквы твоей повести, да ещё и с ошибками. Читатель, который возьмёт такую копию, уже не сможет полностью окунуться в состояния, которые ты вложил в оригинал.

Я не очень представлял, как такое возможно, ведь символы-то останутся теми же, и тот, кто понимает язык, разберёт написанное. Роберт уловил сомнения и пояснил:

– Помнишь, как ты на себе чувствовал рассказы ребят об ощущениях в теле?

Я кивнул.

– Если бы робот записал их слова, затем распознал как буквы, а потом прогнал через синтезатор речи, ощущения бы у тебя возникли совсем другие: изначальное состояние потерялось бы по пути.

– Так понятнее, – кивнул я.

– Раньше я про эту особенность не знал, но понимал, что если более-менее уметь переводить с санскрита и разбираться в шрифтах и всяких нюансах, можно довольно легко отличить ценный документ от творчества дворового умельца. Хорошие копии старинных индийских текстов тоже можно продать у нас за приличные деньги. Отсюда и необходимость учить санскрит. Так что вся моя псевдоучённость появилась из-за мечты о путешествиях.

Роберт посмотрел на небо, а потом вдруг махнул рукой и добавил:

– Да кого я обманываю? Не из-за путешествий я взялся за языки, а ради денег! Никакой научной романтики.

– Ой, да ладно, – отреагировал я. – Все же только ради этого и идут в университеты. Не знаю никого, кто бы пошёл туда ради науки. «Выучишься – срубишь больше бабла», – так большинство родителей учит детей. Только другими словами.

Показалось, что Роберт на секунду загрузился. А может, это тени от деревьев так легли на его лицо.

– Как бы там ни было, – продолжил он, – если бы я не искал наживы, я бы не нашёл на задворках мумбайского рынка книгу, которая в корне поменяла мою жизнь. Теперь книгу ищут у меня другие, сами того не понимая. И однажды чуть было не нашли.

За разговором мы дошли до моего дома.

– В результате обыска? – спросил я, а потом указал на подъезд. – Нам на третий этаж. Лифта нет.

– Обыски тут ни при чём, – ответил Роберт, подхватив чемодан и зашагав в подъезд. – Историю про деньги и путешествия я рассказал для того, чтобы ты представлял, каким был соблазн продать книгу за двадцать пять тысяч долларов.

– Двадцать пять? Я слышал про десять.

– Это на конференции было десять. Через неделю, когда я уже в сотый раз всем ответил нет, меня вызвал к себе ректор и сказал, что готов лично заплатить двадцать пять тысяч, чтобы купить эту книгу.

Я присвистнул, и свист эхом раскатился по подъезду.

– Что же тебя остановило? – спросил я, когда открывал дверь в квартиру.

– Сам не пойму, – ответил Роберт, проходя из подъезда в прихожую. – Что-то гудело вот здесь, за затылком, и давило на голову. Так я и понял, что это какой-то развод.

Я разулся и достал из обувного шкафа пару гостевых тапок.

– Тапки – тебе. Ванная и туалет – там. А ректору вообще зачем нужна книга? Что бы он с ней делал?

– Лично ему книга была вообще не нужна. Кто-то нашептал ему, что надо любой ценой забрать книгу у наглого студента. Вот он и придумал способ её заполучить – выкупить.

Я помыл руки и пропустил Роберта в ванную.

– Вот твоё полотенце, – указал я. – Не может быть, чтобы человек действовал вообще без понимания личной выгоды. Даже фанатики осознают собственную выгоду от своих безумных поступков.

– Спасибо, – ответил Роберт. – Наверно, ректору объяснил неведомый «внутренний голос», что книгу можно будет очень выгодно продать на аукционе через несколько лет. Особенно если поддерживать вокруг неё шумиху.

Я провёл нового друга в гостиную и указал на диван:

– Тут приготовим тебе спальное место. Нормально?

Роберт всмотрелся в углы и стены комнаты, стараясь уловить что-то незаметное глазу, после чего воскликнул:

– Идеально, Джай! Спасибо!

Ещё немного покрутив головой, Роберт сел в кресло.

– У тебя тут здорово, – оценил он.

– Захвалил, – смутился я, сел на диван и быстро вернулся к главной теме. – И кто, по-твоему, стоял за ректором?

– Те же, кто за полицейскими, которые подходили к нам в кафе. Ты ещё не понял, почему я к тебе приехал?

Я попробовал быстро проанализировать всё услышанное и сравнить с тем, что знаю, но ответа не нашёл:

– Пока нет.

На лице Роберта отразилось ликование:

– Да потому что ты, Джай, общался с существами, которые, похоже, стоят за всеми попытками завладеть книгой! По крайней мере, мне так кажется. Именно их ты встретил в параллельном мире, о котором потом рассказывал в эфире с округлёнными глазами, как у съехавшего укурка.

Я, видимо, неосознанно повторил знакомое выражение лица, и Роберт расхохотался:

– Точно! Вот так ты и выглядел!

Пока я подбирал слова, Роберт продолжил:

– Существа, с которыми ты столкнулся, часто направляют к нам людей, не понимающих, что происходит. Либо люди уверены, что совершают действия в полной осознанности. Например, те полицейские, с которыми мы познакомились в кафе, были убеждены, что ищут нечто крайне опасное, – такое задание вертелось у них в головах. Эти существа...

– Дварки? – неуверенно вставил я.

– О! Дварки! – воскликнул в ответ Роберт. – Крутое название, точно подходит! Так и будем называть. Сам придумал?

Я неоднозначно помотал головой:

– Название – плод сегодняшней мощной галлюцинации.

Роберт обрадовался ещё больше:

– Ого! Да ты тоже припас для меня что-то интересное! Расскажешь?

– Давай пока ты. Про полицейских интереснее.

– Окей. В общем, этим дваркам, похоже, сложно полностью подчинить человека, поэтому они корректируют поведение людей навязчивыми идеями или слепой убеждённой. Обращаются к подсознанию и науськивают. Нашептали, значит, дварки полицейским, что нужно искать дико опасную штуку, – те приняли в работу. А что для них опасное? Ну, точно не книга! Мы ж не в средних веках и даже не в шестидесятых. Значит, взрывчатка, оружие, наркота.

– Если так, то почему они не пропикали своим металлоискателем твой чемодан? – припомнил я.

– Это потому, что у нас с тобой сегодня было несколько преимуществ. Во-первых, мы прилично выглядели, и наш вид не отличался от типичных образов мирных граждан, известных полицейским. Во-вторых, и это важно, у меня с собой не было ничего компрометирующего. Они с таким подозрением рассматривали чемодан, что мне вот-вот пришлось бы его раскрыть, но там бы мы увидели только одежду и потрепанный ноутбук. И, в-третьих, самое главное, я уже знал, как нужно общаться с людьми, чтобы влияние дварков на их волю ослабло.

– То есть нашим козырем был ты, – усмехнулся я.

– Верно, – гордо расправил плечи Роберт.

– А как нужно общаться в таких случаях?

– Да просто зываешь к человеческим чувствам актёра, и всё. Вот к нам подошёл сержант. Он же не сержантом родился, и дома он тоже не сержант, а обычный парень. Но надень на любого человека форму, олицетворяющую конкретный образ, – и перед тобой прекрасный кандидат для манипуляции.

– Почему?

– Потому что все в обществе знают, как *должен* себя вести человек в форме. Военный – так. Полицейский – сяк. Бортпроводник – эдак. Почтальон – тоже по-своему. Всё это давно прописанные роли. И твоё взаимодействие с этими ролями уже есть в сценарии. Например, живёт себе человек по имени Джон, который любит заботиться о своих детях, балдеет от игры на синтезаторе, ходит на уроки вокала, увлекается философией и посещает лекции по космонавтике. И вот этот настоящий Джон надевает свою форму сержанта Грина, приходит в полицейский участок и становится не слишком-то настоящим, сужая свой привычный многообразный мир до мира офицера Джона Грина. Теперь он лучший патрульный прошлого месяца, подчиняющийся огромному количеству вышестоящих офицеров, пользующийся для принятия решений не своей интуицией, не своими мыслями и кругозором, а уставом, должностными инструкциями и полицейским опытом, накопленным за годы службы. И так в любой сфере, будь ты врачом, инженером, учителем, уборщиком или продавцом. А когда человек снимает с себя образ занимаемой должности, он становится гораздо свободнее, и навязать ему чужую волю намного сложнее.

Я был обескуражен тем, насколько правдиво и оттого колко звучали слова Роберта. Ведь всё, что он говорил, касалось и меня.

Я открыл удивительные возможности людей, видел параллельный мир, взаимодействовал с нечеловеческим разумом. При этом, приходя в университет, я становился рядовым студентом, зависимым от преподавателей, учебных планов, методик, деканов, ректоров, государственных образовательных стандартов, мировых тенденций в образовании, экономистов,

устанавливающих стоимость семестров, родителей, обеспечивших моё обучение, организаций, плативших родителям, международной торговли, от которой зависит фактическое благосостояние родителей, и ещё целой бесконечности людей и общественных структур, напрямую или косвенно влияющих на студента, образ которого я с такой радостью и гордостью закрепил на себе.

Моё внимание за несколько секунд расширилось до масштабов планеты, и я почувствовал всё общество единой структурой взаимозависимых иерархий. От такого у меня закружилась голова, и я потерял ощущения широты и масштабности. Снова почувствовав под собой исчезнувший диван, я медленно оглядел гостиную. Роберт сидел напротив и пристально на меня смотрел.

– Твои слова, – едва собравшись с мыслями, произнёс я, – забросили меня в другое пространство. Это трудно объяснить, но я чувствовал там... устройство общества!

Подходящие фразы не подбирались, я формулировал мысли из первых попавшихся в голову выражений:

– А ещё то, что я увидел, сильно давило на затылок. Что-то похожее ты описывал, помнишь? Когда с ректором говорил.

Роберт продолжал молча слушать. Тишина вызвала приступ раздражения, и я перестал себя контролировать:

– Ты что со мной сделал?! – повысил я голос. – Загипнотизировал анархистскими байками? Приезжаешь ко мне, рассказываешь тут про всякие манипуляции, а сам начинаешь вытворять фокусы, как в кафе?

Незаметно для меня мой голос стал очень громким, и я уже кричал на спокойно сидящего передо мной Роберта:

– Да что ты молчишь? Я вот реально хочу сейчас тебе врезать!

Я приподнялся, чтобы потрясти его за плечи, а лучше с силой толкнуть, как вдруг справа раздался голос:

– Джай, а где у тебя чай?

От неожиданности я резко повернул голову и увидел Роберта, вышедшего из кухни с довольной ухмылкой на лице. В недоумении я снова посмотрел перед собой и замер: кресло, на котором он только что сидел, было пустым!

Глава 7. Пираты среди нас

Я сидел, уставившись на кресло, и не мог поверить своим глазам. Снова и снова я переводил взгляд то на Роберта, то на место, где он *должен быть*.

– Жука проглотил? – ухмылялся Роберт, хорошо понимая, что со мной происходит. – Скажи, где чай, и продолжай высказывать всё, что обо мне думаешь, а потом приходи на кухню: к тому времени я как раз его заварю.

Уставившись на Роберта, я несколько раз моргнул, пытаюсь убедиться, что не сплю, после чего опять повернулся к креслу.

– Понятно, – прокомментировал он. – Хорошо, поищу сам. Кто бы знал, что ты такой впечатлительный. Но это, наверно, объясняет твои успехи.

Он хохотнул и ушёл. Его последняя фраза подействовала на меня отрезвляюще: вскочив с дивана, я почти бегом бросился на кухню.

– Какие успехи? – выкрикнул я на ходу. – Что это было?

Роберт открывал дверцы кухонных шкафов одну за другой, пока не нашёл полку с напитками.

– О! Да у тебя есть цикорий! Попью его? – спросил он, словно не слыша меня.

Я, не задумываясь, ответил:

– Давай.

И как только я собрался повторить вопросы, Роберт вдруг строго произнёс:

– Ты всё воспринимаешь близко к сердцу, поэтому тебя легко вывести из равновесия. Этим *они* и пользуются. В момент, когда ты начинаешь чувствовать свою силу, *они* направляют твоё внимание на какую-нибудь мелочь. Ты заводишься, теряешь контроль над собой. И угадай с трёх раз, кто этот потерянный контроль подбирает.

Роберт глубоко вздохнул и, пока я находил подходящие слова для ответа, спросил:

– Что ты увидел или почувствовал, прежде чем начал тираду в мой адрес?

– Всё человечество, – задумчиво произнёс я.

– С размахом! – иронично отозвался Роберт. – А что-нибудь конкретное помнишь?

Я задвинул подальше пульсирующие в голове вопросы с эмоциями и стал вспоминать:

– Общество в виде светящихся нитей. Это был мир, в котором мы живём, только смоделированный в объёмных схемах, графиках, трубках. Какие-то места планеты напоминали бесконечные переплетённые паутины, какие-то походили на огромных пульсирующих медуз. Они накрывали целые континенты, соединяли миллиарды людей! А потом я ощутил, как ко мне стекаются тысячи светящихся ручьёв. Они проходили насквозь и пускали в тело корни, делая меня частью всепланетной кровеносной системы...

– Ух! – поёжился Роберт и улыбнулся. – А потом ты начал орать. Очень романтично. Я бы от таких картин тоже заорал.

Я не понял, шутит он или говорит серьёзно, поэтому не разделил его веселья. Роберт заметил моё смятение и пояснил:

– Конечно, то, как ты всё описал, выглядит сушим бредом на почве маниакальной депрессии. Расскажи такое на приёме психиатра – и уже глотал бы пилюли горстями. Особенно если будешь рассказывать с таким же выражением лица.

Роберт изобразил обалдевшего человека с открытым ртом, и я засмеялся.

– Я и эти слова еле подобрал, – пожал я плечами. – Может, они и дико прозвучали, но лучше передать не получилось.

– Это я хорошо понимаю, Джай, – посерьёзnel Роберт. – То, что ты видел, и видением особо-то не назовёшь.

– Точно! – оживился я. – Я будто бы не видел, а *чувствовал, что вижу*. А про горсть пилюлей – может, мне и правда уже пора? Я смотрел на тебя, а ты вдруг оказался совсем в другом месте. Что это за фокус? Гипноз?

Роберт обрадовался, что я снова пришёл в себя.

– Не знаю, как работает гипноз, – не изучал пока. Я это всё по-другому воспринимаю. Сейчас расскажу. Ты воду в чайник из-под крана льёшь?

– Нет, наливай отсюда, – указал я на двадцатилитровую бутылку с краником, стоявшую на тумбочке рядом с холодильником. – Хочешь мёд к цикорию? У меня есть хороший, прямо с пасеки.

– Давай.

Я достал с полки банку густого золотистого мёда, начерпал ложкой небольшую миску и приготовил две пиалы, пока Роберт наливал воду и грел чайник. Три минуты деятельной тишины отрезвили меня окончательно. Чайник закипел, и Роберт заварил в кружках цикорий.

– Пойдём туда всё отнесём, – кивнул я в сторону гостиной. – Там удобнее травить байки. Только чур больше не выкидывать фокусов, ладно?

Роберт поднял руки в жесте «сдаюсь»:

– Да я и в прошлый раз ничего особенного не делал. Ты в кресле вообще *не меня* видел.

К очередной броской фразе я оказался готов: уже догадался, что Роберту нравится смотреть на мои ошалелые от удивления глаза, поэтому он регулярно сыплет яркими предложениями.

– Ну вот там и расскажешь, – деловито ответил я, умудрившись взять с собой кружку с горячим цикорием, миску с мёдом и две пустые пиалы. – Ой, возьми ещё ложки, вон в том ящике.

– Окей, – подхватил Роберт, и мы перебрались в гостиную.

– Ты видел мета-мир, – продолжил он, усаживаясь в кресло, из которого исчез несколько минут назад. – Это я о светящихся нитях или любых других образах. Название «мета-мир» я сам придумал – в справочниках не ищи. Хотел как-то обозначить место, где пересекается куча всяких пространств и измерений. Мета-мир – это даже не мир, а мешанина из нематериальных явлений и объектов, которые человек способен воспринять.

Понятно не было, и Роберт это осознал.

– Сейчас поясню на твоём примере. Ты, похоже, уловил, как настроиться на мета-мир, когда я рассказывал про манипуляции людьми. Я ведь эту информацию не в интернете подглядел. Вот и твоё сознание ухватило суть и полетело за ней к первоисточнику – в мета-мир.

– Это какое-то общее пространство? – задумался я.

– И да, и нет. Мета-мир – это интерпретация разных явлений, которые человеку под силу переварить. Идут, например, три путешественника по лесу: один видит звериные тропы, другой – редкие лекарственные растения, а третий – только корни, за которые ногами цепляется. Вроде вместе идут, а впечатления получают разные. Так и ты в мета-мире видишь только то, что способен разглядеть, а твой сосед может видеть совсем другие картины, даже если вы вместе настраивались на одно и то же состояние.

Я кивнул. Это означало «всё равно ничего не ясно, но продолжай». Роберт чувствовал, что объясняет непонятно, но ведь он сам формулировал эти мысли впервые и старался, как мог.

– Ладно, давай зайду с другой стороны, – сказал он. – У любой информации есть своего рода подпись об источнике. Как название издательства в напечатанной книге. Ты эту подпись прочитал и пошёл по адресу. Увидел ты там что-то своё, но на ту же тему, с которой сталкивался я.

Прервавшись на полминуты для формулирования, Роберт продолжил:

– Мета-мир непостоянен. Человек видит там только то, что может понять. Это как на выставке абстрактного искусства: в каждой картине ты заметишь только знакомые образы,

а то, что на самом деле имел в виду автор, до конца никогда не разгадаешь. Вспомни, было ли в мета-мире что-нибудь из ряда вон выходящее, чего ты и вообразить не мог?

– Не было, – признал я.

– То-то, – довольно закивал Роберт. – При всём при этом мета-мир очень непросто, затеряться в нём легче лёгкого. Пока мы там бесцельно блуждаем и разеваем рты, мы беззащитны, и местные охотники это хорошо знают. Ждут нас, таких зевак, тёпленькими.

В глазах Роберта промелькнула дикая искра восторга.

– Так вышло, что я подучил повадки этих чертей. Не от большого ума, конечно, а потому, что сам не раз становился их жертвой.

Я поднял ладонь, чтобы прервать Роберта:

– погоди-погоди! «Охотников», «чертей» – ты вводишь новых действующих лиц похлеще Джорджа Мартина! Кто они?

– Разные существа: какие-то пострашнее, какие-то подороже. Те, с которыми сталкивался ты, проявляют себя в мета-мире довольно безобидно.

– У них тоже есть доступ в мета-мир?

Роберт разочарованно качал головой:

– Джай, мета-мир – это не какое-то *отдельное* пространство. Это куски разных миров, которые мы видим одновременно. Я ввёл это понятие для упрощения, но если оно кажется сложным, давай придумаем, как называть состояние, в котором видишь и чувствуешь сразу всё подряд.

Со второго раза стало яснее, и я приободрился:

– А, всё, дошло! Получается, позавчера я оказался в мире дварков, а в мета-мир заглянул по пути – это те самые переходные ощущения, когда я одновременно видел и свою комнату, и светящиеся трубки из тела, и тёмные пятна. Так?

Роберт просиял:

– Да! – воскликнул он и на радостях ударил ладонью по креслу.

Я и сам ощутил прилив гордости и энтузиазма. Пазл начал складываться.

– Получается, наш мир пересекается с другими. И жители тех миров каким-то образом влияют на нас, верно?

– Равно как и мы влияем на другие миры, – радостно дополнил Роберт.

Таким счастливым я его ещё не видел. Казалось, он снял с плеч огромный камень, разделив свои догадки с человеком, который его наконец-то понял.

– У некоторых существ, – продолжил Роберт, – такой образ жизни: человек для них – как пища, источник энергии или что-то вроде того, вот они и охотятся за людьми. Не со зла, а по своей природе. Когда мы перемещаемся в мета-мир – меняем восприятие, – мы открыты. Прямо как туристы, глазающие на Храм Святого Семейства в Барселоне. Я стоял перед ним с отвисшей челюстью и несколько минут вообще не осознавал, что происходит вокруг. Но что если ты не энергетический турист? Сидишь себе в своём мире и никуда сознание не перемещаешь. Как из тебя подоить вкуснятину на расстоянии?

– Энергетический туризм не особо в моде у нормальных людей, – улыбнулся я.

– Точно, – подмигнул Роберт. – А кушать этим охотникам что-то надо. Вот и ищут они способы растормошить человека в бытовых условиях: провоцируют людей на то, чтобы те срывались друг на друга или ещё как-нибудь ослабляли свои защитные системы. Эффективный трюк: человек сам перенаправляет всю мощь своей энергетической структуры на атаку другой такой структуры, а плоды раздора пожирают пираты. Помнишь, ты рассказывал о капсуле, которой себя ощущал в мире дварков?

Я кивнул.

– В мета-мире она тоже воспринимается по-разному. Но, обобщая, можно сказать, что каждый человек оказывается там в собственном энергетическом поле. Эдакий маленький кос-

молёт или корабль. На этих межпространственных кораблях ты путешествуешь среди бесконечности. То, что ты сейчас на меня набросился, – пример такой провокации. Я не смог предотвратить нападение, но сумел избежать залпов твоих орудий. Я встал с кресла и ушёл на кухню ещё тогда, когда ты заканчивал описывать ощущения. Меня осенило, что вот-вот начнётся мясо, и я свалил. Даже если бы я тебя растормошил, всё равно бы отхватил не на шутку: пушки твои уже были заряжены эмоциями, а фитили подожжены. Обычно люди этого не понимают и охотно вступают в конфликт без реального повода. Ты бы всё равно вспылал, а у меня был шанс отойти в сторону и не поддаваться провокациям. Когда я тихо встал и ушёл, на моём месте остался плакат, который развесили пираты в качестве мишени. По нему ты и палил.

– И так как я был глубоко в мета-мире, то твоё физическое исчезновение из поля зрения даже не заметил, верно? – рассуждал я.

– Ага. А обычные люди не замечают, что ввязываются в энергетическую резню, потому что забивают мозг бесконечными мысленными рассуждениями о своих проблемах.

Новая информация с трудом умещалась в голове. Вопросы множились, поэтому я решил на двухминутный тайм-аут и встал с дивана:

– Подожди немного, я забыл взять сливки из холодильника. Пойду принесу.

Роберт удивился:

– Зачем?

Я задержался по пути на кухню и обернулся.

– В цикорий добавить.

– Чтобы такую гору сделать над кружкой?

Он жестами показал, как из кружки что-то вываливается на стол. Я замешкался, а потом понял:

– А! Ты, наверно, имеешь в виду взбитые сливки! Таких у меня нет. Только питьевые, двадцать процентов жирности.

– Ладно, – сдался Роберт. – Это мне ни о чём не говорит. Сливки для меня – это что-то густое или взбитое. Принесёшь – покажешь, что у вас ими называется.

– Договорились. Проведу тебе ликбез по молочным продуктам. Всё справедливо: ты мне новую инфу о мета-мире, а я тебе – о сливках.

Пауза пошла на пользу: рассказ о мета-мире немного улёгся у меня в голове. Когда я вернулся с коробкой жидких сливок и стал их лить себе в кружку, Роберт понимающе закивал:

– А, вот что ты имел в виду! У нас в магазинах такие продаются порционно, для кофе. Больших упаковок не видел, хотя, может, просто не замечал.

– Это небольшая, всего пол-литра, – сказал я. – У вас, кстати, такой объём как-то особенно называется, да?

– Пинта, – ответил Роберт. – Почти как ваша половина литра. Налей-ка и мне тогда.

Мы посмаковали цикорий со сливками и мёдом и вернулись к основной теме.

– А пиратствуют дварки? – спросил я.

– Да. По крайней мере, других примеров я ещё не видел. Но я понимаю, что мета-мир – это открытый космос, в котором не действуют никакие писанные законы и где никто ни от чего не застрахован. Там полагаешься только на собственные качества. Если ловкий – уведешь энергокорабль от удара. А если невнимательный – собьёшься с курса и вряд ли долетишь до цели. Уверен, дварки там точно не на вершине пищевой цепочки. Им, скорее, интересны мелкие судёнышки, вроде наших с тобой. Наверно, только такие им по зубам. А вот с большим масштабом они не связываются. Я чувствовал там присутствие огромных существ и энергетических структур, которых даже не мог охватить вниманием. Они тоже должны чем-то питаться. Но пока ничего определённого рассказать об этом не могу.

Понимание в моих глазах заблестело сильнее. Для полноты картины мне не хватало ответов всего на несколько вопросов. Я выбрал самый наивный:

– А то, что эти пираты разводят нас на эмоции, опасно? Ну, приснул я злобой, они подхватили выброшенную энергию, и что с того?

– Ты ослабнешь, и они на тебя нападут.

– Зачем? – не улавливал я.

– Что значит «зачем»? – удивился Роберт. – Чтобы завладеть твоим кораблём, конечно!

– Как? Если я правильно понял твою теорию, мой «корабль» – это я сам и есть.

– Верно. Тобой они и хотят завладеть. И поедать твои запасы сознания, пока не умрёшь.

Ты для них и еда, и дом, и транспорт.

Я ухмыльнулся:

– А транспорт-то почему?

– Потому что ты сможешь им добраться до других людей. Метод у дварков один: они ослабляют защиту твоего корабля, провоцируя тебя на эмоциональные выбросы, и высаживают десант для захвата. Кроме припасов, пираты очень ценят твои связи с другими богатыми и красивыми кораблями, потому что капитаны, которые тебя знают, сразу ринутся на помощь погибающему другу и угодят в ловушку.

– Приведёшь пример? – попросил я, начиная тонуть в аллегориях.

– Легко! – воскликнул Роберт и откинулся на спинку кресла. – Представь, что ты потерял смысл жизни, расстался с девушкой и уволился с работы.

– Неплохая перспектива, – усмехнулся я.

– Всякое бывает, когда заблудишься в мета-мире, – весело ответил Роберт. – В общем, дварки потрудились на славу, провокаций достаточно, психика твоя уже ни к чёрту, можно корабль захватывать. У тебя ещё есть шанс дать подонкам отпор, но ты выбираешь сдаться, выходишь на палубу и кричишь: «Берите меня, я больше не игрок!»

– Мрачновато, – снова заметил я.

– Ничего, это только начало, – довольно подхватил Роберт. – Дварки выпускают абордажную команду – и ты уже сидишь в своей спальне, пьёшь какую-то бурду на спирту, что-нибудь нюхаешь и загоняешь иглу в вену.

Я поёжился. От фразы про иглу пробежали мурашки, и я растёр руки. Роберт с жаром продолжал:

– И в этот миг твои друзья и родственники – капитаны других кораблей – срываются на помощь. «Держись! Спасение близко!» – шлют они радиogramму тебе на капитанский мостик. А ты уже давно валяешься связанным в трюме, и вместо тебя у руля стоит манекен. Дварки снова дёргают за нити – и вот ты треплешь всем нервы, расшатывая защитные системы родственников и друзей. Теперь и их корабли на очереди к пиратам. Идеальная схема!

Сюжет оказался настолько ярким и показательным, что я даже рассмеялся:

– Твоя фантазия впечатляет! Стало понятнее.

Роберт развёл руками:

– Ну, я описал совсем запущенный случай. Не обязательно всё доходит до крайностей, но, думаю, механику ты понял.

– А с чего появляются первые пробои в защите?

– С мелочей: накричал на ребёнка, поцапался с бабушкой-соседкой, – после пары примеров Роберт спросил: – Вот что происходит с людьми, когда они кричат друг на друга?

– Ничего. Расстраиваются или, наоборот, радуются, – размышлял я. – Ну, иногда переходят к драке или поножовщине – я не спец в этих вопросах, ору редко.

Роберт рассмеялся:

– Хорошо, что не спец. И ты прав, что с виду не происходит ничего особенного. То, что люди расстраиваются, – это ерунда. Они расстраиваются и оттого, что подходящего размера обуви в магазине не оказалось. Значение имеет другое: человек поорал – потратил силы. Не столько физические, сколько энергетические. Ну, или психоэмоциональные – назови как

хочешь, суть дела не изменится. Поорал раз, два, три – силы ушли безвозвратно. А вместе с ними ушла и часть трезвой оценки реальности. Это и есть те самые защитные системы корабля, про которые я говорил.

Я вспомнил нескольких знакомых, поведение которых здорово походило на описанный Робертом сценарий. Стало любопытно:

– А как помочь капитану, корабль которого вот-вот захватят?

Улыбка сошла с лица Роберта:

– Проплыть мимо, – коротко ответил он.

– Хочешь сказать, капитан такого судна вдохновится моим примером и откажется сдаваться? – с надеждой спросил я.

– Нет, – покачал головой Роберт. – Ты проплывёшь мимо по своему курсу, а корабль позади тебя сожрут пираты. Если капитан принял решение сдаться, ему уже ничем не поможешь.

Повисло молчание. С такой теорией я не мог согласиться:

– А если это близкий тебе человек? Хочешь сказать, его нужно оставить на съедение?

– Если у тебя нет собственного курса и намерения дойти до цели, можешь кидаться к каждому кораблю и уговаривать капитанов не сдаваться. Но от уговоров они не станут сильнее и от пиратов не отобьются. Зато ты успокоишь себя тем, что поучаствовал в добром деле, вместо того, чтобы двигаться по своему курсу. Это бегство от реальных задач.

Я почти поддался волне бурного протеста, но одёрнул себя и возразил без лишних эмоций:

– Да ну! Тут ты перегибаешь. Не может такого быть.

Роберт лукаво улыбнулся:

– Вот поэтому я не гуляю сейчас по своему Гейнсвиллу, а сижу в кресле у тебя дома – сам хочу проверить, где я прав, а где нет. Ты не принимаешь всё за чистую монету, а подвергаешь сомнению. Это правильно.

Я подбирал слова, чтобы продолжить возражать, но Роберт, глубоко вздохнув, перебил мой поток возмущения:

– Джай, – сказал он серьёзно, – я пролетел девять тысяч километров не для того, чтобы накормить тебя сказками и поспорить. Рассказываю, как вижу, но не утверждаю, что это истина. Мне самому нужны ответы, даже больше, чем тебе.

Роберт опять удивил искренностью слов.

– А какая от меня польза, если я выпучиваю глаза на каждую твою фразу? – скептически произнёс я.

– Неважно, как ты реагируешь, – отмахнулся Роберт. – Важно только то, что ты умеешь перемещаться в другие миры и даже умудрился пообщаться с существами оттуда. Я приехал не учить, а учиться. Если ты ещё не понял: учиться у тебя.

Я замешкался. Звучало лестно, но всё ещё непонятно.

– И что ты хочешь от меня узнать? – спросил я неуверенно.

– Хочу, чтобы ты показал, как попадал в мир дварков, – восторженно заявил Роберт.

– После твоих рассказов что-то уже не хочется иметь с ними дело.

Моя ирония рассмешила Роберта, он тоже ответил шутя:

– Дварки – не такие уж плохие ребята. Они не какие-то негодяи, просто так устроена Вселенная. Люди, например, едят растения и животных. В таком случае вполне логично, что кто-то должен есть людей. Дварки взяли на себя эту почётную роль – выедают из людей человеческую сущность. Но не потому, что плохие, а потому, что они по своей природе хищники и просто следуют инстинктам.

Роберт радостно жестикулировал, наглядно демонстрируя, как дварки набрасываются на человека и разрывают того на куски. Умиление, с которым Роберт разыгрывал эту сценку, выглядело жутко и в то же время очень забавно.

– При этом люди же как-то договариваются между собой, – продолжил Роберт. – И я убежден, что с дварками тоже можно договориться.

Такая уверенность подстёгивала.

– Уговорил! – задорно сказал я. – Да и наверняка ты уже всё продумал. Каков план?

Роберта повеселила моя решительность:

– Очень простой: ты показываешь путь к дваркам, а дальше по обстоятельствам.

В тот вечер мы совершили первый осознанный гиперпрыжок, который разделил жизнь на «до» и «после».

Глава 8. Свидетели катастрофы

– Что нужно делать? – спросил Роберт, когда устраивался в кресле, предвкушая путешествие к дваркам.

Я пожал плечами:

– Откуда ж мне знать? Давай буду говорить, что делал и чувствовал в прошлые разы, а ты попробуешь это ощутить на себе. Дальше посмотрим.

Я охотно принял на себя роль ведущего. Чувство ответственности разожгло уверенность в действиях. Пусть я и не представлял, как провести другого человека через свои ощущения, зато как никогда был уверен, что всё получится.

Откинувшись на спинку дивана, я расслабился, глубоко вздохнул и начал описывать прошлый опыт перехода.

– Первое, за что я зацепился, – это покалывания на кончиках пальцев рук. Ты можешь их ощутить?

– Да, чувствую. Будто что-то горячее приложил.

Никаких температурных эффектов я не замечал, однако от слов Роберта покалывания на пальцах усилились и распространились вверх по коже. Значит, Роберт точно считывал то, что я имел в виду.

– Покалывания разрастались и заполняли кисти, предплечья и плечи, – вспоминал я.

Роберт сидел с закрытыми глазами, отвечал тихо, с паузами между слов:

– Пальцы покрылись светящейся пылью. Она постепенно уплотняется и напоминает перчатки, натянутые до локтей.

Убедившись, что мы говорим об одном и том же, я закрыл глаза, ещё больше расслабился и продолжил:

– Покалывания на кистях превращаются в гудение и волнами идут до плеч. Не только по поверхности рук, но и изнутри.

Всё ощущалось намного ярнее, чем в прошлый прыжок к дваркам. Воодушевление возрастало с каждой секундой:

– В предплечьях и плечах включился ток и стал бить во все стороны короткими разрядами, – проговорил я, а потом внимание разлилось от рук до ног, и я целиком почувствовал всё тело. – Ого! Ток не только в руках! Волны электричества гуляют по груди, в животе, поднимаются в шею и голову, опускаются в ноги до самых стоп. Они даже наружу выходят: по всему телу покалывания и жужжание, будто через поры кожи выстреливают тонкие лучи... их очень много!

– Энергокапсула, – медленно, почти по слогам, произнёс Роберт, – ощущается физически. Это что-то новое, такой я её не видел.

Роберт так погрузился в процесс, что описывал наблюдения больше себе, чем мне. Не хотелось отвлекать его от исследований, но запланированная цель приближалась.

– Начинается перемещение, – заметил я. – Почувствуй структуру энергокапсулы до самых краёв – примерно на уровне вытянутых в сторону рук.

Разворачивание энергокапсулы – завораживающее зрелище. Ещё несколько секунд назад я сидел с закрытыми глазами на диване в своей квартире, а теперь оказался совсем в ином пространстве, лишь отдалённо напоминающем комнату.

В тех местах, где ещё можно было заметить очертания дивана и кресла, раздувались два светящихся пузыря овальной формы. Каждый пузырь заполнялся тысячами тончайших волокон, по которым, словно по прозрачным проводам, бежала пульсирующая энергия. То, что я видел, не укладывалось в голове, но необъяснимая мощь происходящего притянула всё моё внимание.

– Какие мы с тобой красавцы в этих энергокапсулах! – не удержался я от шутки.

Однако Роберт сохранял серьёзность:

– Я погружаюсь в какую-то темноту, Джай, – сказал он, и впервые в его голосе послышалась обеспокоенность.

Я же, напротив, чувствовал прилив всеилия: энергетическая структура, которая разрослась из моего тела, стала значительно крепче, чем в прошлый визит к дваркам. Конечно, мне всё равно было нечего противопоставить целому миру недружелюбных созданий, но теперь меня грела мысль, что в таком виде я буду принят по-другому. Как говорится, встречают по одежке, а сейчас моя «одежка» стала намного богаче и мощнее. А вот гиперкапсула Роберта, хоть и выглядела крупнее моей, но светилась тускло, словно передавала неуверенность.

– Чем глубже мы в мире дварков, тем темнее, – твёрдо заявил я.

Когда темнота стала ещё гуще и очертания комнаты совсем потерялись, что-то включилось в энергокапсуле, и я стал получать совершенно новые знания обо всём, что происходит вокруг. Теперь я точно чувствовал, что дварки с интересом за нами наблюдают, а их враждебный настрой разбавился уважением. Они по достоинству оценили смелость неожиданных гостей, медленно углублявшихся в черноту их мира.

Гиперкапсула Роберта завибрировала, начала переливаться светом, и я сообразил, что переливы и вибрации обращены ко мне. Я хотел ответить Роберту, но ощутил, что речевой аппарат моего тела, как и оно само, находится бесконечно далеко от моего сознания.

Я был уверен, что всё происходит правильно, поэтому ни на что не отвлекался, пока не разобрался, как управлять и двигать гиперкапсулой. Только когда я научился смещаться в стороны, я снова осмотрелся и понял, что переливами энергетической структуры Роберт что-то мне передавал. Ещё через секунду я понимал его фразы.

Роберт говорил, что дварки ждут наших действий, наблюдая за нашими движениями. Я спросил Роберта, заметил ли он, что мы говорим и понимаем друг друга с помощью световых волн. Он ответил, что да. Дварки тоже теперь нас понимали, и Роберт заговорил с некоторыми из них. От этого диалога его гиперкапсула засветилась ярче, и дварки, выглядящие как тёмные сгустки живой осознающей себя энергии, стали стягиваться к нам из глубин их мира.

«Массовое нападение?» – подумал я и сразу отмёл предположение: вокруг не ощущалось никакой агрессии.

Мы теперь напоминали средневековых глашатаев или проповедников, вышедших на рыночную площадь в ярмарочный день. Только верх и низ, вместо земли и неба, тоже заполняли миллиарды бесформенных существ.

Я с удивлением наблюдал, как дварки стекаются к Роберту, чтобы послушать выступление незнакомца и почувствовать свет, исходящий от его гиперкапсулы. Роберт транслировал дваркам то, что я не смог интерпретировать как понятную речь. Это было, скорее, излучение настроения. Я попробовал воспроизвести такое же состояние в себе, и к моему разгоревшемуся свету из глубин мира потекло ещё больше существ.

Мы парили как два сияющих шара, вокруг которых толпились тысячи дварков. Они ничего не говорили, но я чувствовал на себе миллионы заворожённых взглядов: эти существа соприкоснулись с чем-то невиданным, что наполняло их и, как мне казалось, приносило им радость и удовольствие.

– Что происходит? – лучами света передал мне Роберт.

Поверхность его гиперкапсулы разгорелась настолько, что дварки не могли находиться близко и отступили на безопасное расстояние. Никому не хотелось сгореть, но все хотели продолжить впитывать исходящее тепло.

Я не сразу обратил внимание на сообщение Роберта, так как увлёкся ощущениями: всё-таки не каждый день видишь себя огненным шаром в неизвестном мире нечеловеческих

существ. Как зачарованный, я смотрел на сотни тысяч медленно кружившихся дварков. Они были похожи на бесконечный хоровод первобытных людей, поклоняющихся костру.

Вдруг стройность хоровода стала нарушаться: по миру прокатилась волна страха. Я не понял, что произошло, но моментально среагировал, передав Роберту:

– Надо убираться отсюда. Нам здесь больше не рады. Держись ближе!

Роберт без промедления устремился ко мне. Когда его гиперкапсула приблизилась к моей, между нами неожиданно вспыхнули новые слои огня и света, охватив нас обоих. Жар вокруг образовавшейся общей огненной структуры стал значительно сильнее. Я увидел, как дварки мгновенно отпрянули ещё дальше от нас. С ними что-то происходило: зрители в ближайших рядах не могли оторваться от созерцания нашего света, пребывая в неконтролируемом трансе, но вдалеке от нас дварки в необъяснимой панике разлетались в разные стороны. Видя, как они пытаются от чего-то убежать, я вдруг задался вопросом: а куда деваться нам? Мы зависли в открытом космосе среди миллионов дварков, и вокруг ни одного ориентира. Как выбираться?

Неожиданно, будто в ответ на вопрос, изнутри меня вырвался луч света, который молнией пронзил темноту и устремился в бесконечность. Он шёл из самого центра моей энергетической структуры: белый, яркий, толщиной с канат. Без слов мы с Робертом поняли, что он приведёт нас к выходу, и полетели вдоль него, набирая скорость.

В этот момент я увидел причину переполюха дварков и просигналил яркими вспышками:

– Вот это уже опасно. Поторопимся.

Роберт тоже заметил *это*.

Сзади нас развернулся настоящий кошмар: огромное чёрное существо, в тысячи раз больше наших гиперкапсул, с сумасшедшей скоростью гналось за нами из глубины мира, пожирая всех, кто оказывался на пути. Миллиарды дварков пропадали в чёрной бездне этого чудища, как будто бы их заглатывала пасть размером с Луну.

Я чувствовал ужас и страх смерти каждого погибающего существа. На моих глазах рушился мир с идеальным порядком вещей, который я только что создал своим собственным теплом и светом. Я точно знал, что причиной таких невыносимых жертв были мы, но не понимал, почему. Ещё несколько мгновений назад миллионы дварков наслаждались огнём, шедшим от нас. Для них это было настоящим волшебством, а для нас – восхитительным открытием. А теперь все, кто прикоснулся к чуду, умирали на моих глазах.

Я стал причиной колоссальной катастрофы. И это не сон и не фантазия.

Меньше всего меня беспокоило, что чудовище, без счёта истребляющее дварков, продолжало гнаться за нами. Меня не пугали его шокирующие размеры, не страшила его безудержная свирепость: я был поглощён осознанием ответственности за гибель миллиардов существ.

Наша с Робертом общая энергетическая структура, летящая по сияющему ориентиру, так сильно разогналась, что окружающий мир стал расплываться. Огромное чудовище осталось далеко позади, и дварки, беспокойно мелькавшие вокруг нас, слились в единый размазанный фон. Постепенно светлело, и в какой-то момент я почувствовал сильную тяжесть в руках, ногах, туловище и голове. Я снова ощутил тело, резко потяжелевшее килограммов на семьдесят. По нему разливалась волна зарядов, похожих на электрические, а внизу живота, примерно на уровне лобковой кости, ощущался обжигающий огонь, испускающий во все стороны горячие лучи. Один такой луч и вывел нас из опасного мира.

Сидя на диване, я переваривал произошедшее. После минутной передышки Роберт встал и задумчиво сказал:

– Неплохо, если бы не начавшийся хаос.

Я посмотрел на Роберта и потрясённо ответил:

– Да это была какая-то бойня! Ты понял, что за дрянь учинила такой бардак?

– Нет, – покачал он головой. – Но я рад, что мы не познакомились с ней ближе.

Он стал ходить по гостиной, разминая затёкшие ноги. Я ощущал тяжесть в теле, поэтому вставать не собирался. Прошло два часа с начала нашего перемещения, хотя казалось, что у дварков мы пробыли всего минут пятнадцать, – настолько стремительно всё происходило.

Я до сих пор не отошёл от увиденного и ещё чувствовал пространство вокруг себя как энергетическую структуру, сросшуюся с физическим телом. Хотел сказать о сохранившихся ощущениях Роберту, но заметил, что он насторожился и замер, уставившись на входную дверь.

– Не пойму, в чём дело, – напряжённо сказал он, – хотя, может, показалось?

Внезапно в дверь квартиры постучали, и я вздрогнул. Роберт посмотрел на меня и улыбнулся:

– Нет, всё-таки не показалось.

Тяжесть в теле мгновенно улетучилась: я вскочил с дивана и на цыпочках пошёл к двери, в которую упорно продолжали ломиться. Присутствие Роберта прибавляло уверенности, но всё равно было страшно: когда ночью кто-то яростно стучится в дверь, это не к добру.

Проходя мимо Роберта, я нервно пошутил:

– В таких случаях я жалею, что в двери нет глазка.

Роберт принял мой подбадривающий юмор кивком и ухмылкой и стал осматриваться, оценивая, что в комнате можно использовать как оружие.

Готовность Роберта к драке спокойствия не добавила. Стук в дверь нарастал. Оказавшись у двери, я крикнул неуверенным голосом:

– Кто там?

В ответ посыпался стук покрепче. Вскоре к барабанившим по двери кулакам добавились и ноги.

Вдруг очередной удар ноги в дверь будто переключил во мне тумблер: к моему собственному удивлению, неопределённость ситуации привела меня в ярость. Я почувствовал, как перед низом моего живота образовался энергетический сгусток неистовства. Вслед за ощущениями пришло понимание, что мне нужно выпустить эту энергию в туловище. Вспыхнув внутри тела, шар концентрированной неудержимой воли стремительно поднялся вдоль позвоночника вверх и вырвался из горла гневными угрожающими словами:

– Кто это там долбит в мою дверь? Назови себя!

Удары прекратились, возникла секундная пауза, и раздался крик:

– Джай, открой!

Я переглянулся с Робертом.

– Друзья? – спросил он, усмехнувшись.

Сложно было не узнать голос соседа из квартиры напротив. Я удивлённо улыбнулся и открыл дверь.

Передо мной действительно был сосед, но выглядел он непривычно: в одних трусах, он стоял с опущенными руками, сжав при этом кулаки. Взгляд затуманен.

Вдруг я заметил нависшее над его головой чёрное облако. Ещё через мгновение я стал видеть, как чернота струится через его тело, вытекая из глаз, ноздрей, ушей. Чернота будто почувствовала мой взгляд и начала расширяться, заполняя пространство вокруг подвластного ей человека. Я знал, что пройдёт ещё пара секунд, и она набросится на меня. Тварь, убивавшая дварков, всё-таки меня догнала...

И вдруг я ощутил, что сзади меня вспыхнул яркий свет, жаром обдав спину между лопатками. Пройдя насквозь через меня, вперед вышел состоявший из яркого белого света человек. Он встал между мной и чернотой и, выждав секунду, взмахнул неизвестно откуда появившимся в руке мечом из такого же света.

Удар меча пришёлся точно по шее моего соседа. Свет прошёл вдоль плеч, разрезая черную пелену, окутавшую голову и туловище, при этом никаких следов на коже не осталось. Через миг чернота безжизненно растворилась, человек из света вновь прошёл сквозь мою грудь

и исчез за спиной, едва я успел обернуться, а сосед вдруг неожиданно встрепенулся и, совершенно не понимая, как он оказался в коридоре в одних трусах, много раз извинился за очередной приступ лунатизма.

Я успокоил соседа, заверив, что он просто постучался ко мне в квартиру и больше ничего не сделал, пожелал спокойной ночи и попрощался.

Закрыв дверь, я глубоко выдохнул: хватит уже на сегодня переживаний!

Повернувшись к Роберту, я спросил, заметил ли он что-нибудь необычное. Он ответил, что ночной визит здорового неадекватного мужика в трусах – это уже довольно необычно. Роберт был рад, что странная ситуация разрешилась, но для него осталось загадкой, почему настолько быстро. Я кратко рассказал, что произошло за дверью, но мы оба уже так устали, что наша реакция свелась к безразличию: мы видели сегодня так много фантастического, что светящийся персонаж с мечом в руке, кромсающий чёрное облако внутри моего соседа, уже не казался чем-то сверхъестественным. По обоюдной договоренности все обсуждения отложили на потом.

Пока я стелил Роберту постель на диване в гостиной, то дважды чуть не уснул: настолько сильно охватила внезапная усталость. Единственное, что не давало мне окончательно расслабиться и забыться во сне, это ощущение налипшей на меня черноты.

Четверть часа назад, когда незнакомец из света ловким ударом меча снял с соседа морок, остатки чёрной нематериальной субстанции осели на поверхности моей кожи. Раньше я не обратил бы внимания на такую мелочь, но с недавних пор моя забота о самочувствии больше не ограничивалась идеей «ничего не болит, и ладно», поэтому я заметил, что ошмётки существа из другого мира подействуют на организм разрушительно, если с ними ничего не сделать. Так я осознал важность энергетической чистоты.

Борясь с желанием плюхнуться на кровать и заснуть, я направился в душ.

По пути я подумал о людях, которые следят за своим телом без любви: только для того, чтобы оно помогало добиваться влияния, карьерного роста, уважения в обществе. Массовая социальная культура учит человека смотреть на своё тело с позиции потребителя: вкладываешь в него средства и усилия – жди, что вложения окупятся. Или ничего не вкладывай и ходи с убеждением, что тело должно функционировать без дополнительных затрат.

С детства меня постоянно предостерегали от болезней и учили пользоваться быстродействующими лекарствами. «В наше время некогда болеть», – говорила мама, наставляя, как при расстройстве организма сохранять максимальную работоспособность. В этом сквозил лозунг «работа на общество – главная задача индивидуума», и я до трясушки не хотел с ним соглашаться.

Не устраивал меня и другой подход, который наглядно демонстрировали многие одноклассники и однокурсники. Одни девочки сходили с ума по диетам, чтобы нравиться мальчикам. Другие – соблюдали всевозможные режимы питания, чтобы увеличить личную эффективность и получить отличные результаты на экзаменах. Мальчики, ещё больше поглощённые самоутверждением, делали всё, чтобы стать быстрее, сильнее, выносливее, или, наоборот, выбирали тёмную сторону и проверяли себя на прочность разными жидкостями и веществами.

За двадцать с лишним прожитых лет мне никто даже не намекнул, что к своему телу можно относиться бескорыстно. Об этом не говорили родственники, этому не учили в школе, это не освещалось в классической литературе, не рассказывали средства массовой информации.

Когда я открыл в себе способности перемещаться в параллельные миры, я больше не мог пренебрегать собой. Ещё бы! Оказалось, что я – ультрасовременный комплекс сложнейших порталов в другие измерения, напичканный целым ворохом биогаджетов, которые позволяют трансформироваться то в гиперкапсулу, то в гуманоида, то в огненный шар... кто знает, что ещё я в себе открою в ближайшую неделю? Как можно не восхититься таким чудом? Вот я

и проникся к своему телу огромным почтением – чувством, которое лилось из сердца и распространялось на все клетки организма.

Как же здорово прислушиваться к телу не *ради* чего-то, а от глубокого уважения к жизни, которая пронизывает и наполняет каждую клетку организма! Только так раскрываются знания о мироздании, которые никто и никогда не сможет записать и передать.

Возвышенные мысли отпустили меня тогда, когда я понял, что стою голым перед ванной и уже несколько минут не свожу взгляда с льющейся из крана воды. Вдруг задумался: «А с чего это я решил, что душ поможет смыть энергетическую сажу?»

Ответить себе смог только так: «Тело само подсказало».

Неубедительно, но какие ещё есть варианты?

В голову ворвалась ещё одна абсурдная мысль:

«Эх! Была бы какая-нибудь социальная служба, которая развешивала бы на улицах такие рекламные плакаты: „Энергетическое облако забрызгало вас невидимой грязью? Позвоните по горячему номеру, и мы вам поможем!“ Обязательно бы позвонил!»

Фантазия рассмешила.

Я решил забросить сомнения подальше, залез в ванну, закрыл шторку и переключил воду с крана на душ.

О, какое это было блаженство!

Сотни тонких струй полились по телу, и я ощутил, будто кожа снова начинает светиться. Всего минута – и я снова чувствовал такую бодрость, что хоть опять к дваркам лезь. Животная непреодолимая усталость сменилась осознанным желанием дать телу отдохнуть.

«И как теперь заснуть?» – думал я, выходя из душа.

Опасаясь, что буду ворочаться и засну лишь под утро, я установил на телефоне будильник, чтобы не проспять завтрашнюю видеоконференцию.

По пути в спальню я проходил гостиную: Роберт уже спал. Неудивительно: за прошедший день он успел пересечь на самолёте океан и побывать со мной в нескольких параллельных мирах. И такая подвижность, похоже, начала передаваться мне!

«Хех! – усмехнулся я, посмотрев на спящего гостя. – А на сон-то ты слабоват!»

Но стоило мне дойти до спальни и прилечь на кровать, чтобы подумать о сегодняшних приключениях, как я сразу выключился до утра. Падая в сон, я успел вообразить, что по всей квартире разлилось удивительное спокойствие, а вокруг квартирных стен, прямо внутри здания, кто-то возвёл нерушимый барьер и выставил по периметру часовых. Величественных часовых, созданных из света...

Глава 9. Форсирование событий

Следующее утро начиналось с видеоконференции, которую мы запланировали позавчера ещё до того, как у Роберта родилась безумная идея полететь ко мне в гости.

Будильник прозвенел заранее, но я несколько раз его переставлял, пока не понял, что до выхода в эфир остаётся полчаса и тянуть с подъёмом больше нельзя. Выходил из комнаты с угрызением совести – гостя завтраком не накормил, чаем не напоил. Однако вид спящего Роберта вернул мне спокойствие.

– Роберт, вставай! Конференция через полчаса.

– Я не сплю, – раздался очень сонный голос с дивана. – Наука превыше всего!

– Точно, по тебе видно, – рассмеялся я. – Приходи на кухню, я по-быстрому приготовлю яичницу и бутерброды – успеем поесть.

Пока завтракали, придумывали, как сделать так, чтобы больше людей натолкнулись на те же открытия, что и мы. Надо было ускориться в работе над книгой.

– Кто начнёт рассказ о вчерашнем, ты или я? – спросил я Роберта.

– Ты прыжок к дваркам имеешь в виду?

– Да.

Откусив бутерброд, он помотал головой и промычал:

– Ито!

– Чего?

Прожевав, повторил:

– Никто, говорю. Не надо рассказывать про мясорубку у дварков, да и вообще про путешествие.

– Не понял? – поднял я бровь и задержал у рта вилку с куском поджаренного белка. – Как это не надо?

В моих глазах заплясали огоньки ярости. Кто такой этот Роберт Шарп, чтобы скрывать *моё* открытие? Это я его привёл к дваркам, это я нас вывел оттуда, когда всё пошло к чертям, это я...

– Выложим всё как есть, и большинство разбежится, – объяснил Роберт. – Скажут, что мы чокнулись. Как раз ситуация подходящая: я прилетел к тебе в гости, мы вместе нажились психотропами и наловили глюков на целый роман.

Я хотел возразить, но Роберт добавил:

– Они даже вообразить не могут то, что мы вчера видели, а ты хочешь преподнести это как факт.

Вилку с яичницей я положил обратно на тарелку. Недовольство подхватило меня:

– Они что, глупее нас? Пахнет снобизмом.

Роберт словно не замечал моего напряжения:

– Какой снобизм, Джай? Посуди сам: вот если бы я тебе рассказал такую историю пару месяцев назад, ты бы хоть слово воспринял серьёзно?

Я уже принципиально не хотел соглашаться с Робертом, но острый вопрос немного отрезвил.

– Может быть, и поверил бы, – буркнул я, зная, что это неправда.

Начинало раздражать неравенство: мы что-то открыли, но будем молчать, потому что считаем себя умнее других?

Как будто отвечая на мою мысль, Роберт сказал:

– То, что мы вчера увидели, – это знания не для общего применения. Это наш с тобой бред, слишком субъективный для громких заявлений. Тот опыт даже с книгой не связан, разве что косвенно. Я не могу адекватно объяснить эту связь. А ты?

В точку. Знаний, готовых для передачи, у нас не было. Роберт за несколько месяцев тренировок дальше мета-мира не заходил, а я понятия не имел, почему так легко попал к дваркам. Да и все визиты к ним хорошо не заканчивались. Чему мы могли научить других?

Моя упёртость начинала раздражать Роберта. Как ни странно, меня она раздражала тоже, но остановиться не получалось.

– Там опасно, – твердил я. – Ты же видел вчера. О таком надо заранее предупреждать других!

– Вчера ещё были цветочки, – подхватил Роберт.

Он отложил недоеденный бутерброд и заглянул мне в глаза. Странное ощущение: он будто установил канал между своим мировоззрением и моим. Его слова перестали проходить через мой эмоциональный фильтр, и я, наконец, стал *слышать*, что он говорит:

– Если ты покажешь человеку проторенную дорогу, он по ней и пойдёт, даже если она кривая, разбитая и в булыжниках. Будет идти, пыхтеть и считать её тернистым путём к истине. А ты уверен, что то, где мы вчера были, – и есть прямой путь к истине или знаниям?

– Не уверен.

– Вот и я тоже. А хочется, чтобы для других дорога стала не мучением, а приключением. Навяжешь *свой* путь другим – и просто не дашь людям открыть их собственные! А ведь таких путей наверняка тысячи. Если бы я был снобом, который наслаждается, что все вокруг идиоты, я бы ещё ночью записал видеоролик о нашем великом походе. А ещё вероятнее: сидел бы у себя дома в обнимку с книгой.

– И шептал бы ей «моя прелесть», – усмехнулся я.

Недовольство отступило.

Роберту понравилась шутка. Он скрючился, изобразил обезумевший взгляд и сложил руки так, как если бы держал толстенный талмуд и медленно его гладил.

– Мне кажется, некоторые меня так и представляют, – заулыбался он. – Может, и надо таким быть: чахнуть над своим сокровищем, а не придумывать способы расшевелить других. Только я их шевелю не потому, что я такой добренький глазораскрыватель, а потому, что в одиночку я с этим не справлюсь. Мне *нужно*, чтобы ребята всё узнали как можно быстрее, но я почти ничего не могу им рассказать. Дурацкий парадокс!

Чтобы люди стали свободнее, пришлось отложить свободу слова до лучших времен.

Мы второпях доели.

За пару минут до конференции Роберт достал свой ноутбук из чемодана и устроился на кресле в гостиной. Я принёс из спальни свой и сел на диване.

Видеоконференция началась.

Роберт традиционно поприветствовал и поблагодарил всех, кто нашёл время для нашего некоммерческого проекта, и рассказал, как вчера прилетел в Европу ко мне в гости. На вопрос, связан ли приезд с исследованиями, ответил «да» и пояснил, что я нашёл интересные эффекты упражнений, которые вызвался регулярно выполнять несколько недель подряд.

Роберт говорил искренне, хотя я думал, что он будет избегать конкретики и постарается быстро передать слово другому участнику. Он честно признался, что наши первые совместные эксперименты с вниманием дали огромный материал для последующей работы, но из-за разрозненности полученных знаний мы пока не можем их использовать. Роберт не запутывал и не сбивал людей с их собственных идей. Вместо этого он вдохновлял затронуть те аспекты работы, которые приведут каждого человека к самостоятельному открытию межпространственных перемещений.

Мои представления о свободе распространения информации вмиг перевернулись.

Я слушал, как Роберт описывает опыт, бережно и с уважением относясь к нынешнему мироощущению всех участников проекта. Не зря Роберт отговорил меня выдать тираду про опасности. Ей бы я только загубил уникальные идеи исследований, которые зрели в ребятах.

Бросил бы им «ужасную правду», в которой сам до конца не разобрался, и лишил бы их возможности творить.

Одна и та же информация способна создать или разрушить. На собственном примере я увидел, как человек готов крушить и громить всё подряд без разбора, уверовав лишь в ничтожную часть непостижимой бесконечности.

И так строилась вся моя жизнь.

Мне вспомнилось, как в младшей школе я раньше времени узнал об отрицательных числах. Я сразу поспешил рассказать всем одноклассникам, что нас обманывают и что если от двух отнять пять, получится не ноль, как мы думали, а минус три. Одноклассники начали путаться в вычитании, и несколько ребят получили плохие оценки за очередное задание.

Теперь я отчётливо видел последствия того действия. Я несвоевременно вывалил на школьников информацию – они растерялись и запороли контрольную. Некоторые наверняка пострадали от ругани недалёких родителей, когда принесли домой «двойки-тройки». Жизнь детей бесповоротно изменилась из-за моей безответственности. А ведь казалось, что я открываю одноклассникам глаза. Но кто меня об этом просил?

Сколько таких событий проходит в жизни человека? Каждое слово, каждое дело порождает резонанс. Чаще всего человек даже не способен уловить, *что* каждую секунду создаёт, а *что* разрушает.

Этого закона коснулись мы с Робертом, когда полёт к дваркам привёл к смерти многих из них. Для нас гиперпрыжок был увлекательным экспериментом, а для них – предвестником гибели.

В один миг на границах моего восприятия осыпались стены, и я осознал невероятный масштаб взаимосвязи всего со всем.

От этого осознания на лоб и затылок легла болезненная тяжесть, и ширина восприятия снова сократилась. Я закрыл глаза и слегка надавил пальцами на веки – мышцы лица немного расслабились, и тяжесть отступила. Именно в этот момент Роберт переключил на меня камеру, передавая слово:

– Джай, не спи, – шёпотом сказал он, пока я тёр глаза.

Какая неожиданная проверка моей находчивости.

– Да, Роберт прав насчёт новых данных, – тут же подобралась фраза. – Это я так зажмуриваюсь от удовольствия, предвкушая их использование.

Ребята поощрили мой весёлый настрой улыбками. Я посмотрел на Роберта и увидел одобрение и поддержку: он догадался, что последние несколько минут меня изменили, и больше не переживал за то, что я скажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.